

54

Владимир Буев

Монокль. Рецензии на книги
Михаила Гундарина

18+

Владимир Буев
Монокль. Рецензии на
книги Михаила Гундарина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67772073

SelfPub; 2022

Аннотация

Рецензии на две книги, написанных Михаилом Гундариним: «Солнце всходит и заходит. Жизнь и приключения Евгения Попова» и «#ПесниЦоя». Вторую рецензию в силу её значительного объёма можно даже назвать «рецензией-эпопеей».

Содержание

Заметки «на полях» книги – не только для фейсбука	4
Откуда взялась печаль?	25
Легенда	28
Генерал	31
Бездельник	34
Кукушка	42
Прогулка романтика	55
Ночь	60
Троллейбус	68
Солнечные дни	74
Мальш	79
Пачка сигарет	87
Печаль	94
Камчатка	99
Заключение	109

Владимир Буев

Монокль. Рецензии на книги Михаила Гундарина

Заметки «на полях» книги – не только для фейсбука

Однажды ко мне на дачу в гости на выходные приехал друг. Как я иногда шучу, знаменитый на весь мир писатель, литературный, кино- и театральный критик, блогер, а заодно и поэт Михаил Гундарин. С женой и двумя детьми (девочками-двойняшками). Впрочем, главный во всём этом списке – конечно, друг Миша! С остальными я в тогда только познакомился.

Так у меня на руках (и в библиотеке) появилась его книга «Солнце всходит и заходит. Жизнь и приключения Евгения Попова, сибиряка, пьяницы, скандалиста и знаменитого писателя» с автографом/инскриптом автора в адрес благодарного читателя.

Собственно говоря, благодарный читатель читать книгу стал прямо в присутствии автора. Дошёл до 38-й страницы, густо удобренных описаниями правды жизни: сибирских

пьянок-гулянок (название книги оправдывало её содержание!), хулой на строительство Красноярской ГЭС, мягким и жёстким стёбом над стихами и публикациями СМИ тех застойных (или предзастойных, но точно не постзастойных) лет. Кстати, 38-я – это всё-таки не 14-я страница Манилова (итог двухлетнего напряжения духовных сил персонажа «Мёртвых душ»).

Потом началась групповая прогулка к озеру с обсуждением всех и всяческих мировых и литературных проблем, со срыванием всех и всяческих масок и моё чтение на несколько дней сошло на нет. Остальные девять десятых (с большим хвостом) текста книги я одолевал уже в будни, не на даче и в отсутствие автора.

Когда читал, в своей фейсбук-ленте делал записи: то серьёзные, то не очень, то совсем не серьёзные. Ближе к концу четырёхсотпятитестистраничного текста подумал, что если вдруг после прочтения всё-таки сподоблюсь написать связный отклик/рецензию на Мишино сочинение, то, пожалуй, начну его/её такими словами: «Писать отзыв на книгу друга несравнимо сложнее, нежели добрые или едкие/злые пародии на его же нерукотворные стихи...»

Когда об этом думал (и даже когда делал запись в фейсбук), кроме того, что уже закинул в ленту, писать, честно говоря, не планировал, ибо писать рецензии не умею. Сам Миша пишет их как раз очень много, ловко и лихо, оправдыва-

ьясь тем, что, дескать, рука за много лет сочинительства набита (у него тексты пишутся – словно от зубов отскакивают).

...Прошли месяцы. Скоро уже год. Книга живёт в голове благодарного читателя, будто своей собственной жизнью. И как тут не написать заметки (не путевые)?

То ли с элементами собственной рефлексии, то ли (временами) вообще с чистой рефлексией.

Писать начал, но словами другими: однажды ко мне на дачу в гости на выходные...

Не мог отделаться от странного ощущения, что автор книги и его герой Евгений Попов сливаются в один персонаж. Иногда сложно понять, где начинается и заканчивается речь «лирического героя» книги, где начинается и заканчивается речь автора о «герое», а где это микс, оливье, винегрет из того и другого. Иногда кажется, что герой книги – это и есть сам автор. Как два сапога пара.

Когда автор был рядом (на даче), можно было переспросить: мол, там, где речь о формировании антисоветчика – это о тебе или о твоём персонаже? А можно было и не переспрашивать, а просто потребить водки (нам с Мишей) или вина (жёнам) и терамису (детям, если уж на даче не было мороженого). Хотя, чего уж там лукавить, всё понятно без пояснений.

...Впервые с экспериментальным оформлением диалогов или прямой речи авторов я столкнулся в романе ирландской

писательницы Салли Руни «Нормальные люди». Вернее, даже не с оформлением, не с его наличием, а с его полным и безусловным отсутствием. То есть диалоги в романе вообще никак не были оформлены (ни тире, ни кавычек, ни перемычек).

В тексте Миши – ровно тот же самый приём. Прямая речь персонажей и обильное цитирование прежних текстов (журналистских публикаций 60-х годов) и заявлений главного героя книги зачастую пунктуационно никак не оформляются или оформляются не полностью.

Сразу становится понятно, что Михаил Гундарин и Салли Руни – это сила!

Впрочем, иногда прямая речь главного героя у Гундарина оформлена как положено, а не как у Салли Руни. И тогда у Миши силы побольше будет. Двойной удар (по Салли Руни).

Тексты Руни сравнивают с текстами Сэлинджера и даже и с текстами Чехова. Значит, и произведение Михаила вполне тянет и на Чехова, и на Сэлинджера, а то и сразу на Нобелевскую премию по литературе. В каждой шутке есть лишь доля шутки, а остальное всё – истина в (моей) последней инстанции.

«...Приём мерцания автор/герой применён Тараном одним из первых...» (с)

Гундарин упоминает об некоем писателе, но, мне показалось, что в заглавнике своего творческого сознания он скром-

но имеет в виду и себя самого. Ибо! Когда-то точно такой же приём Михаил использовал в своём давнишнем, можно сказать юношеском (и о юношестве) романе «Говорит Галилей...».

Жаль, что Михаил поздно родился, потому приём чик этот применил не первым, а лишь следуя в фарватере Тарана. Но вполне возможно, что, когда Миша писал своего «Галилея...», он и сам не знал о Таране. Я вот вообще не знал о таком и не стыжусь этого, хотя и не горжусь.

В своей фейсбук-ленте я не постеснялся прямо спросить об этом автора.

– Миша, ты знал прежде о Льве Таране, творившем ритмизированной прозой, или узнал в процессе написания нынешней книги о Попове?

И диалог о прекрасном состоялся.

Миша: Да, приём известный. Именно в 70-х применялся постоянно. Например, Лимонов, Довлатов. У меня совсем другое, автора там нет [это Миша поскромничал, конечно – В.Б.].

Я: Я не о приёме спросил. Вроде о Таране... или как это там называется: дескать, сам-то понял, что спросил (я о себе и своём вопросе)? Сразу анекдот про учителя вспоминается. Первый раз рассказал ученикам – сам ничего не понял. Второй раз рассказал – понял сам. Третий раз рассказал – поняли ученики. Давай двумя «разами» обойдёмся. О Таране давно прознал?

Миша: И кто же здесь учитель, стесняюсь спросить?

Я: Не стесняйся.

Миша: Ты про приём тоже говорил – это важнее. А о Таране я действительно узнал у Попова – прочитал, правда, давно, ещё в 90-х.

Я: Ок. Роли меняются. Но, «учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени». Ты ж мой поводырь в мире литературы, особенно нынешней.

... Не верите про этот «литературный» диалог? Загляните в мою фейсбук-ленту. Да и сам Миша подтвердит.

О «мерцании» героя.

«То, что настоящий Евгений Попов сказать не может, чтобы не обидеть кого, его литдвойник говорит запросто. Вот и в “Билли Бонсе” Евгений Попов подчёркивает, что главное действующее лицо (рассказчик) совсем даже не он. Более того, он делает заявления типа [далее – особенности оформления текста в книге – В.Б.]

... я, автор, решительно отмежсёвываюсь от этого озлобленно-утилитарного взгляда на современный литературный процесс. Это мой персонаж распоясался, а я совершенно по-иному думаю, товарищи! Персонаж же мой – завистник и комплексушник!»

Известный приём: я не я, и чемодана не моя. Срывая все и всяческие маски, не забудь надеть маску на собственное лицо. Но всё равно «я» есть «я». Как говорится, бороду-то

можно сбрызнуть, но умище-то куда девать?

Есть в книге один отрицательный персонаж-писатель: «...лукавый старец Даниил Гранин, исключавший меня [Евгения Попова – В.Б.] из Союза писателей». Бумеранг прилетел Гранину много лет спустя, когда автор романов «Искатели» и «Иду на грозу» претендовал на роль начальника Русского ПЕН-клуба.

«... – Лично я не могу вам доверять, – вскошил я [Евгений Попов – В.Б.]. – Вы меня дважды из Союза писателей исключали, один раз в моём присутствии...».

Что называется, отомстил и тогда (начальником Гранина не избрали), и нынче, уже в воспоминаниях. Подозреваю, что по новой (в обратную сторону) после публикации этой книги бумеранг от Гранина уже не прилетит – человек умер, не ответить, не оправдаться.

...Но, в основном, персонажи в книге положительные и даже «больше чем».

Ни Гундарин, ни его главный герой порой не скупятся на эпитеты, похвалу и раздачу «орденов» (раньше это были бы ордена вождя мирового пролетариата Ленина, а нынче, пожалуй, – Святого апостола Андрея Первозванного): талантливый тот, великий сей, гениальный этот, а некто – даже суперзвезда, как Иисус Христос. О некоторых великих и гениальных я, стесняюсь признаться, и слышать никогда не слышал. А о ком слышал, не подозревал, что они гении.

Конечно, мой оценочный пассаж к Анатолию Васильеву не относится – этого творца знаю. Но правда ли, что он гениальный. Может, просто очень талантливый? Или ещё проще: ближайший друг героя книги Евгения Попова?

А может, действительно все упомянутые в книге персонажи великие, талантливые, гениальные и вообще суперзвезды. О вкусах и цветах не спорят. Да и гусь свинье не товарищ.

А если серьёзно и если отставить в сторону «величие», «знаменитость», «гениальность», «всемирную известность», «суперзвёздность» разных героев книги, то по-человечески (разумеется, из авторского описания) ближе всего мне представляется Александр Кабаков. Повторюсь: именно из описания и ремарок, сделанных по тексту книги, ибо я Кабакова как личность совсем не знаю, а из его творчества знаком только с «Невозвращенцем». В книге же на одной-полтора страницах представлен невероятно привлекательный человеческий образ.

Выражение «*многие рассказы* [вместо «рассказы» могут употребляться иные названия жанров – В.Б.] *переиздаются и по сей день*» могло бы стать эпиграфом ко всей книге. По меньшей мере с десятков вариантов/вариаций этой фразы по ходу текста я поначалу и насчитал, но потом считать прекратил (то ли сбился со счёта, то ли она перестала употребляться).

Ловил блох?

Многие?.. Переиздаются?.. По сей день?

Хм... неужели правда?

Вот автор описывает, как его главный герой Евгений Попов приехал к супостатам и оказался «*в знаменитом русском институте армии США в городке Гармиш-Партенкирхен... в этом сугубом военном заведении [США – В.Б.], расположенном на территории Германии*». Герой книги активно там тусуется и, судя по всему, очень неплохо себя чувствует. Далее цитирую прямую речь героя (и прошу прощения за длинную цитату): «*Меня туда сосватал прислуживавший там бывший советский офицер-невозвращенец, с которым меня познакомил Кублановский. Фамилию его я не скрываю, а просто-напросто не помню. Он был, если честно сказать, графоман, однако не окончательный, не хуже, но и не лучше средних советских из ЦДЛа. Меня он уважал за “Метрополь”, я был для него знаменитость. Американских военных он уважал ещё больше и называл их “наши офицеры”. Чем-то он мне неуловимо напоминал, извините, “полицая” из все тех же советских, но в данном случае фильмов “про войну”. Я был поражён, увидев полный зал военных и среди них даже одного адмирала в белом кителе. Мне было странно, но они знали практически все заметные советские писательские имена и задавали вполне осмысленные с точки зрения их профессии вопросы. Например, сталинист ли Распутин и подвергнутся ли после неудавшегося путча репрессиям пи-*

сательские ортодоксы Марков и Михалков. Фантастика! Альпы, Цугшпитц, Георгий Марков, Сергей Михалков, лектор Евгений Попов, адмирал в белом кителе. Мне зачем-то долго объясняли, что он не из США, что это – австралийский адмирал. Да мне-то какая разница! Библиотека русских книг и журналов была у них замечательная, а развеселило меня ещё и то, что в коридорах “шпионской школы” висели типовые советские военные плакаты, наставления и изречения. Ещё вспомнил, что беглый офицер-невозвращенец приехал к нам на виллу Вальдберта ровно 21 августа с большой бутылкой виски из армейского магазина, “где цены ниже чем даже в дьюти-фри”...»

Далее герой книги, не моргнув глазом, распивает на вилле спиртные напитки с этим «полицаем», дискутирует о литературе, ходит в горы («время от времени»), чтобы окунуться в озеро. И в целом очень хорошо проводит время и с американскими военными, и с «полицаем».

Поразительно!

Рассказывая о лекции для американских военных в Русском институте армии США и характеризуя при этом некоего офицера-невозвращенца неким словцом, герой книги будто и на самом деле не понимает, что со стороны он выглядит если не ровно таким же, то как-то уж... столь же ассоциативно.

Плохо знать разные умные, но банальные термины: например, словцо «аллюзия».

Опять извиняюсь за длинную цитату, характеризующую период, когда генерал Александр Лебедь стал губернатором моей малой родины – Красноярского края (конец 1990-х – начало 2000-х годов):

«Так как Лебедь раньше был в Приднестровье, когда он начал командовать Красноярском, он много своей свиты из Приднестровья привёз в Красноярск. Они правили так: неделю они были в Красноярске, а в пятницу садились на самолёт и улетали в Москву, где у них были квартиры, дачи и всё такое. Мне рассказывали, что они жили как королевский двор в изгнании, потому что все верили, что Лебедь скоро станет президентом. И у них была женщина, которая носила официальный титул “Казачья мать”. В Красноярске был Серый дом (бывший Крайком КПСС), при Зубове туда можно было спокойно войти, а тут, когда пришёл Лебедь, поставили охрану, милицию (полицию в обновлённой России ещё не изобрели) и всё такое.

Если человек собирался открыть киоск по продаже жратвы, тогда он шёл с полным пакетом подписанных документов официальных к чиновнику, а чиновник его спрашивал: “Ты у Казачьей Матери был?”. Если этот предприниматель не был, то его посылали к Казачьей Матери, она была какая-то юродивая и начинала спрашивать о том, кем он сам был, кем были его родители, что он хочет делать, чем хочет заниматься. Задавала странные вопросы, когда

предприниматель возвращался к чиновнику и отвечал, что казачья мать сказала ему “любо”, тогда ему одобряли этот ларёк, хотя, изначально все документы были официальные и подготовленные...»

...Никогда я прежде, общаясь с друзьями-знакомыми, в том числе и работавшими при Лебеде и с ним, не слышал про «Казачью мать». Интересно было узнать, это байка, выдаваемая Евгением Поповым за быль или, и правда, быль? Быль или «былина»?

Написал об этом пост в фейсбук: мол, дорогие красноярцы, кто-то что-то об этом знает? Дескать, откликнитесь, удовлетворите здоровое любопытство нынешнего москвича. И тегнул своего приятеля Алексея Мещерякова, в то время председателя правления Красноярского регионального отделения Союза писателей России (хотя, возможно, к тому времени он уже и покинул этот пост): «Вот Лёша наверняка знает – он всегда про красноярскую политику всё знает. А? Что скажешь, друг?»

Но друг Лёша не заметил моего вопроса или сделал вид, что не заметил.

Так я до сих пор и в сомнениях.

Вернее, меня терзают смутные сомнения (тут вспоминаем кадр из известного советского фильма).

Вот странности нашего бытия! Пересечение виртуальной и реальной жизни: книги и действительности.

Михаил несколько раз упоминает и цитирует создателя и главного редактора почившего ныне в бозе журнала «Золотой век», «видного поэта» Владимира Салимона.

Читал я книгу, и в какой-то момент мне вспоминался отнюдь не недавний эпизод на банкете, приключившемся после стихотворного вечера «На двоих» в библиотеке имени Чехова на Страстном бульваре.

Михаил с бокалом вина долго общался с каким-то очень пожилым дядечкой, после чего к ним подошёл я и тоже стал общаться (а Михаил, что называется, пошёл по кругу, то бишь по другим гостям). В какой-то момент по какому-то (не помню по какому) поводу я сослался на Мишу, словно на давнего знакомца самого Салимона:

– Да я и Мишу-то не знаю... – была мгновенная реакция очень пожилого, но видного поэта (дескать, что толку на него ссылаться, он для меня не авторитет).

Моя челюсть отвиснуть не успела, ибо до меня мгновенно дошло, что на банкете они и познакомились (просто их оживлённую беседу я принял за старинное знакомство), но прежде Миша был любителем его стихов и тех образов, которые Салимон в своих стихах создал.

Салимон – это, так сказать, одна из частностей книги. Вообще литературная (в именах, фамилиях, а иногда и в отчествах) и зачастую политико-идеологическая палитра, в которой творил Попов в тот или иной период времени и своей жизни, представляется автором в достаточно «объёмистом

объеме».

Да и как без этого! Не в вакууме же рождалось слово...

В попойках и запоях.

Впрочем, и по трезвости тоже.

«Лирическое отступление» для разрядки международной напряжённости.

Цитата из книги (прямая речь Евгения Попова):

«...Я взял свою собственную повесть “Зеленые музыканты”, написанную в 1974 году, с помощью которой я надеялся въехать в советскую литературу. Почему и сочинял эту повесть “прижав уши”, недоговаривая, а кое-где и, пардон, “подмахивая” эпохе. Тем не менее волчьи зубы не спрячешь, меня раскусили, и повесть валялась аж до 1996 года, когда мне пришла в голову очередная безумная идея: снабдить ПЯТИДЕСЯТИСТРАНИЧНЫЙ текст ТРЕМЯ СОТНЯМИ страниц комментариев и объяснить, что это – юношеское сочинение будущего КОНФОРМИСТА из народа, ныне одного из самых могущественных людей страны, вовремя излечившегося от неуместного писательского недуга. Комментировалась буквально каждая строчка, и всего комментариев было ровно 888. Не знаю, кстати, что означает это число в символах и мифах».

А вот рецензент знает! По данным лженауки нумерологии, «с психологической точки зрения восьмерка рассматривается, как мудрость и терпение, а комбинация из трёх вось-

мёрзок утраивает силу данных качеств...»

Я знал точно, что у меня в фейсбук-френдах есть те, что считает нумерологию наукой, а себя видными нумерологами. Решил проверить, возмутятся ли, если я запощу эту цитату в своей доступной всем ленте.

Запостил. Никто не возмутился, а кое-кто даже полайкал.

Знать, и правда, лженаука.

Однажды сказав А, не забудем сказать и Б. касательно политико-идеологической палитры. Автор книги является действительным членом Русского ПЕН-клуба. Однако если не громит, то издевается (изредка и просто подтрунивает) и над прошлым Русского ПЕН-клуба, и над публичными документами этой международной/зарубежной организации.

И чего тогда сам туда вступал? Резонный ведь вопрос к его персональному делу?

Или тут такой подход: дескать, закордонный Международный ПЕН-клуб плохой, а родной и посконный, с дымом отечества (к тому же не вчерашний, а именно сегодняшний) – хороший, а потому, дескать, сладок и приятен? Или ещё проще, совсем просто, проще некуда: взять раскрученный мировой бренд и попользоваться им, приспособив к своим нуждам и взглядам? Чёрное – это белое, война – это мир, а свобода – это рабство?

Заодно и для резюме, и прочего самопиара хорошо: мол, так и так, я, дескать, член ПЕН-клуба. В былые времена

членство тут точно было очень модным/престижным. А сейчас-то чего со временами? Прошли иные или опять наступили?

Не забываем, что, согласно автору книги, раньше и русский ПЕН-клуб был не просто и не только плохим, но и незаконным, а то и самозванным по вине некоего злого колдуна/негодяя Пархоменко. Но потом на сцену вышел он, герой книги, Евгений Попов в белом фраке. Или просто весь в белом. Одежнии, разумеется. В общем, как только к руководству русского ПЕН-клуба пришло новое хорошее начальство, так и сам отечественный ПЕН-клуб сразу преобразился (из тыквы превратился в золотую карету), стал белым и пушистым. И зацвёл, как маков цвет. Хм... с одной стороны, белым и пушистым, с другой – маков цвет. Можно выбрать.

И заблагоухал.

А ведь только что был чёрным, грязным и вонючим!

(Напомним: Миша – член ПЕН-клуба, а Евгений Попов – его, клуба и Миши, начальник).

...Собственно говоря, с тех пор международные и зарубежные супостаты с отечественным ПЕН-клубом и борются. Для чего? Дословно: «...чтобы нейтрализовать наглядное влияние Русского ПЕН-центра на российскую и мировую общественность...» (с)

Я бы не побоялся и высказался ещё смелей! На всю прогрессивную мировую общественность! Межпланерный/межгалактический шахматный турнир!

Кстати, определение «прогрессивный» употребляется в книге не столь уж редко. Как от имени автора, так и в прямой или косвенной речи его главного героя. Как в прямом пафосном смысле, так и в разного рода иронических контекстах (в авторской речи – местами завуалированно, чтобы не обижать того, о ком книга).

«Незаконные собрания», «фальшивые письма», «не гнушались», «прямая клевета», «лондонские покровители», «прямой подлог», «выдавая желаемое за действительное» – такова лексика книги ближе к её концу.

Всё это – уже прямые оценки автора книги. Тут соития автора с его героем как будто не наблюдается. Автор шпарит сугубо от себя. Так сказать, к концу книги расслабился, разошёлся, раздухарился. Раззудись, плечо, размахнись, рука!

По сути тут весь известный советскому человеку терминологический набор/лексикон. Истинно поэтический и, разумеется, совсем не пропагандистский.

Набор/лексикон... Неважно, с каким знаком.

То ли о писательстве, то ли об идеологической борьбе, то ли о том и другом.

О том и другом – так вернее.

И всё это – в рамках описания борьбы за власть в Русском ПЕН-центре.

Настоящие русские писатели, чего уж!

Впрочем, времени с момента распада СССР прошло

немало, сегодня весь этот словесный набор может выглядеть очень даже свежим (только-только с грядки).

Земля круглая.

В одном месте автор и его герой явно заплутали в трёх соснах.

Или я заблудился в двух елях.

Вот, к примеру, автор и его герой сожалеют, что закрыли газету «Столичная вечерняя», финансируемую большими деньжищами Чубайса (РАО ЕЭС). Ведь герой книги получал в газете *«немыслимую по тем временам зарплату – две тысячи долларов США»*.

А закрыли газету тогда:

1. когда она стала *«знаменитой, самокупаемой и её купали со страшной силой»* (столь популярной в народе газета стала, видимо, потому, что там публиковались тексты нашего героя);

2. когда *«издавать газету стало не на что»*.

Чудны тела твои, о Господи! С одной стороны, стала самокупаемой (самокупаемая – это если уже могла обойтись без деньжищ Чубайса и жить самостоятельно на рознице и/или рекламе), а с другой – издавать её стало не на что.

... Что ж, наверное, и так тоже бывает.

Иди у рассказчиков когнитивный диссонанс?

Об истинной «интеллигентности».

Вот так главный герой книги видит интеллигентного и при этом очень большого милицейского чина, пренебрежительно отзывающегося о... обозначим мягко... о простом человеке:

*«...Я обнаружил ещё одно удивительное совпадение – чем выше чином был сотрудник милиции, тем он был интеллигентнее. Когда я спросил одного полковника в Перми, как участковому сержанту пришло в голову издеваться над подростком с симптомом дауна, он ответил: “Да что же вы от него хотите? Это же **быдло** полудеревенское. А держим только потому, что работать -то больше некому” ...»*

Вместо послесловия

Диалог в мессенджере 10 мая 2021 года.

Я – Мише: Прочитал! Годится! Любо!

Миша: Осилит? Ну, и хорошо.

Я: А что такое? Почему «осилит»? Я первый, кто «осилит»? Я именно читал, а не осиливал и не пробегался глазами.

Миша: Я и говорю, хорошо.

Я: Разъясни мне. «Роза есть роза есть роза. Россия есть Россия есть Россия». Тут спрятан какой-то глубокий потаенный смысл или это тоже особенности корректуры¹?

Миша: Смысл. Первое из Шекспира. Второе из Попова. Такой круг доказательств, логический Уроборосс. Как у Воз-

¹ В книге очень много технических «очепяток».

несенского матьтьмамастьма. Ну, и намёк на эпиграф к «Дару» Набокова.

Я: Ок. Не знал, честно говоря. Но заподозрил неладное!

Миша: Россия объясняется только Россией.

Я: Ну, да. А Китай только не Китаем.

Миша: Китай – общими азиатскими правилами, как в анекдоте: прищурились. А в Россию можно только верить.

Вот, собственно, и всё. Хотя нет.

И я «померцал», а потому особо подчеркиваю, что *«главное действующее лицо (рассказчик) совсем даже не я. И как автор решительно отмежёвываюсь от этого озлобленно-утилитарного взгляда на книгу. Это мой персонаж распоясался, а я совершенно по-иному думаю, товарищи! Персонаж же мой – завистник и комплексушник»*.

...Как-то на обсуждении одной,неважно какой, но не этой книги в библиотеке Чехова писатель Владимир Гуга рассказал о двух стандартах (или клише), по которым некий рецензент пишет отзывы на разные творения (за точность цитирования не ручаюсь, но за смысл зуб даю, а заодно и голову на отсечение):

Стандарт первый. И тут хорошо, и тут хорошо, и в этом месте замечательно, и в этом тоже, но всё-таки книгу читать не советую.

Стандарт второй. И тут плохо, и тут плохо, и в этом месте скверно, а вот тут ещё хуже. Но книгу надо прочитать обя-

зательно.

Когда я закончил читать про солнце, которое то всходит, то заходит, у меня появился третий стандарт. И тут хорошо, и там плохо, и в этом месте прекрасно, а там совсем скверно. Но книга – пальчики оближешь, читается на одном дыхании, несмотря на свои 458 страниц. Каков стиль! *А как речь-то говорит – словно реченька журчит!*

Я проглотил ловко и быстро.

Читать, батеньки вы мои! Непременно читать! И второе, и третье издания делать (дополнительный тираж)!

«Дабы народ видел» (с)

Невероятно умная и весёлая книга с фантазмагоричным окончанием: поток сознания сильно пожилого человека в трезвом уме и твердой памяти (попойки и запои давно ушли в прошлое).

Откуда взялась печаль?

В издательстве Пальмира, серия Пальмира.Проза, вышла книга рассказов/«треков» Михаила Гундарина «#ПесниЦоя». В сокращённом виде творение известного писателя появилось ранее в журнале «Сибирские огни» (№ 10, 2021).

«Треков»-рассказов двенадцать (в журнальном варианте было девять). Основаны они на песнях Виктора Цоя из разных альбомов и в той или иной мере с этими песнями сопряжены, хотя связь уловить порой и вовсе невозможно (она – как незримая/красная, но путеводная нить мифологической Ариадны). Тут мы просто поверим автору на слово: *люминий – значит, люминий!* Не путать с «Алюминиевыми огурцами», духа которых в книге даже близко не чувствуется!

Какие же песни в книге «треков»?

«Легенда» – из альбома «Группа крови».

«Генерал», «Прогулка романтика», «Троллейбус» и (понятное дело) «Камчатка» – из альбома «Начальник Камчатки».

«Бездельник» и «Солнечные дни» – из альбома «45».

«Кукушка» – из «Чёрного альбома» (песня переписана, аранжирована и включена в альбом после гибели Цоя).

«Ночь» – из альбома с таким же названием.

«Печаль», «Пачка сигарет» – из альбома «Звезда по имени солнце».

Только «Малыш» остался без альбома. Как бы «подвис». И тоже понятно, почему. А кому не понятно, тот, прочитав соответствующую главку этой рецензии на книгу Гундарина, сразу поймёт, в чём суть да дело.

Уже начинают бурлить аллюзии и ассоциации? Если нет (как, впрочем, и если да), то это «поколенческое». Автор, словно свысока или с высоты своего полёта/пьедестала, употребляет слово «поколение» и производные от него почти десяток раз – чтобы читатель запомнил раз и навсегда.

Попробуй разбери принцип, по которому принципу писатель выбирал «треки». Думается, тут так: что на душу в молодости упало, да так там навсегда и осталось, то и всплыло по прошествии времени. В общем, что с возу не упало, а потому запало и не пропало.

Каждый рассказ-«трек» состоит из трёх, в крайнем случае из четырех коротких частей. В этом вряд ли есть какой-то глубокий/потаённый смысл. Однако короткие тексты «треков», раздробленные на ещё более короткие части (если, конечно, не вдумываться в смыслы) читаются быстро, легко и непринуждённо. Сколько времени? Примерно часа полтора на всё-про всё (а журнальный вариант читается ещё быстрее), если не отвлекаться на завтрак, обед и ужин. Касательно чтения, я не шучу: легко и непринуждённо. Совсем не так, как брюки из кинофильма «Бриллиантовая рука», которые лёгким движением руки превращаются в элегантные шорты.

Михаил Гундарин явно хочет вспомнить молодость, по-

жить в ней. И не просто хочет, а вспоминает, пусть зачасую сознание смещается в сторону от реальности к грёзам, фантазиям и фантастике, символике, мистике и даже бреду воспалённого сознания. Порой, не стыдясь этого, автор откровенно и при всём честном народе ностальгирует. И у него получается! Не просто получается, а получается красиво. Впрочем, в текстах чувствуется не только ностальгия и молодость, но и рука мастера, *и опыт, сын ошибок трудных, и гений, парадоксов друг*. Взгляд на свою юность и на юность своего поколения из-под/из-за облаков, ну, или пусть с возрастного/не совсем уж старческого пьедестала. Не верите? А придётся...

Легенда

У кого-то «*море – смеялось*», а у Гундарина – «*Смеялось небо, а потом прикусило язык*». Именно так начинается (и снова понятно почему, даже если в самом начале забыт союз «как» – немудрено по прошествии такого количества времени) первый «трек» «Легенда» его книги. Густой замес реальности, образов и фантазмагии.

Внешне сюжет вроде прост: сумасшедший/якобы сумасшедший старик-отец отвергает всё, что предлагает-дарит ему взрослый состоявшийся сын (это не сам Гундарин, а его лирический герой в виде личного местоимения «я») и постоянно достаёт/тиранит отпрыска своими бессмысленными капризами. Пишу «лирический герой» и думаю: если его, конечно, можно так назвать. Примем как аксиому: можно (!), хотя между лирическим героем и автором так и тянет поставить знак равенства!

Если всё понятно, то вроде бы к чему ещё писать какие-то рецензии/отзывы/отклики? Дал ссылку или гиперссылку на первоисточник – и прикусил язык/успокоился и сиди себе дальше молча. Как говорится, *с плеч домой*, коль *подписано* (некто в позапрошлом веке знал толк в этом деле).

Ан нет! Рефлексировать хочется! Ведь тут оба в одном флаконе: и Цой, и Гундарин. Не абы кто. Пока *двое в одной лодке, не считая...*

Кстати, та же самая «Легенда» (не Цоя, а Гундарина) – чем не «Отцы и дети» Тургенева? Вот уже и не двое. Теперь считая..!

«Говорю не всерьёз. Хотя, может, и всерьёз» – это уже из уст гундаринского лирического героя. Впрочем, снова вполне допускаю, что лирический герой автора – местами и есть сам автор, хоть в личных дружеских беседах за чашкой чая он это всячески отрицает. Впрочем, как известно, «*все мы немного лошади*», и я в том числе.

...Лично мне из времён моей далёкой и незабвенной юности из цоевской «Легенды» запомнилось это (и каждому своё, и у каждого своё):

– «*Среди связок в горле комом теснится крик*»

– «*шатаясь, бойцы об траву вытирали мечи*» (тут тоже без одного союза)

– «*и горел погребальным костром закат, и волками смотрели звёзды из облаков*»

А из гундаринской запомнится это: «*сумасшествие как тёмная вода смерти*» и как «*универсальное горючее*».

Строчка из песни «Легенда» «*смерть стоит того, чтобы жить*» является одной из известнейших цитат Виктора Цоя. Эти слова также высечены на памятнике музыканту, установленном на месте его гибели в Латвии. Однако в связи с недавними нападками отечественных правоохранителей на рэперов Моргенштерна и Оксимилона в нынешние времена эта фраза запросто может быть интерпретирована как

призывы/склонение молодёжи к суициду. А потому в контексте этой рецензии заявляю открыто и «*весомо, грубо, зримо*»: в данном тексте никаких склонений/спряжений нет ни прямо, ни косвенно/подтекстом. Печать, подпись – удостоверено.

Повторюсь: и всего-то суть рассказа Гундарина в том, что старый отец («филиал ада» для лирического «я» самого автора) мешает сыну спокойно жить. Но отнюдь не тем, что зажился на этом свете. Ценности различны.

«Поколенческое».

В общем, куда деваться – «Отцы и дети».

...Итак, подведём итог литературно-художественным корням автора книги в этом рассказе-«треке»: Гундарин, Цой, Тургенев.

Можно скромнее: Тургенев, Цой, Гундарин. Или: Цой, Тургенев, Гундарин.

Генерал

Сюжет «трека» «Генерал» тоже не сложен. Лирический герой (кстати, не все повествования ведутся от имени «я», но тут, как и в первом рассказе – оно самое, тоже «я») встретился с нелирической героиней в раю (вернее, в «Раю», ибо это название ресторанчика-«подвальчика в центре с дорожными напитками»). Думаете, дальше изо всех щелей и пор не будет просвечивать, сквозить и строить рожицы Данте Алигьери со своей «Божественной комедией» и девятью кругами ада? Зря думаете, что не будет! Ещё как будет! Потому именно так и случилось: просвечивает, сквозит и строит.

Итак, встретились два одиночества в «Раю», который на самом деле – ад/«Ад» (даже если официально так не называется): *«Сабрина была худа, блондиниста, коротко стрижена. Хотела стать звездой. Как же. У нас с ней, кстати, ничего не было»*. Было меж ними что-либо или не было – бог весть или бес им в ребро. Или лучше так: бог им судья. Вполне возможно, что тут даже лирический герой лукавит/привирает, чтобы сохранить честь мундира... вернее, оставить незапятнанной честь дамы вместе с её белым (пусть и не свадебным) платьем. Однако не будем копать в подробностях личной жизни «лирического» и «лирической».

Впрочем, что касается дамы, тут точно «нелирической», ибо как может быть лирической героиней гадалка, изобраа-

жающая из себя прорицательницу/провидицу/пифию, но по сути являющаяся банальной мошенницей? В конце концов (для тех, кто считает двойные-тройные гундаринские подтексты) Сабрина оказалась не просто гадалкой (которая звучит гордо) и/или даже просто мошенницей, а мелким дилером. Или коммивояжёром, агентом (возможно, ино-), лавочником (-цей), розничным продавцом, торговкой «воздухом», «пятой колонной» – называйте, как вам больше понравится/заблагорассудится, милостивые государи! Мелкой бесовкой в конце концов (тут пока даже не намекаю, а дальше будет видно)! Суть дамы – мелочёвка, подлая душонка.

А вот лирический герой («я») – генерал, пусть и отставной. Есть разница в масштабе личностей и в их статусах? То-то же! Ответ однозначный. Однако спёкся генерал, размяк, расслабился, выдал себя, расшифровал, раскодировал, выпустил наружу и распушил хвост. В конце трека именно так: *«...Выпустил для начала свой прекрасный, украшенный изумрудными шипами хвост. Метафора? Не сказал бы ...»* Генерал оказался мелковат, значит, как и царь в известном фильме, тоже не настоящий.

Ключ к интерпретации и разгадке? Есть ключ! Он же – Цой (песни-то – его, не кого-то другого!):

«Нам не хватает тем,

Не нарушай покой,

Эта ночь слишком темна...

...Хочется спать, но вот стоит чай

И горит свет ста свечей

Может быть, завтра с утра будет солнце

И тот ключ в связке ключей?..»

Итак, в этом треке: Гундарин и Цой. С предтечами негусто – лишь Данте Алигьери.

Можно скромнее: Данте, Цой, Гундарин. Или: Цой, Данте, Гундарин. Всё равно плеяда из одного ряда. Или шайка-лейка на одной ровной линейке по стойке смирно.

...И небольшая ремарка с картинкой в конце для полного понимания сути рассказа. Кто смотрел и помнит советский детский кинофильм-сказку «Королевство кривых зеркал»?

Ключ!

Ключ!!! Хоть от рая, хоть от ада, но ключ один и тот же (даже если в двойном экземпляре). Ключ к разгадке. Как говорится, хоть горшком назови, только в печь не сажай.

Бездельник

Песня Цоя «Бездельник» автобиографична. Бытуют две версии, чем занимался певец и музыкант Цой в период её написания. Причём, поскольку каждый из мемуаристов смотрит со своей колокольни, то, скорее всего, обе версии-правды тянут на одну истину. Все ведь помнят гуляющую по интернету картинку, в центре которой представлена объёмная «истина» в виде цилиндра, а на двух проекциях (в виде теней на противоположных плоскостях) – «это правда» (четырёхугольник) и «это правда» (овал или круг)? Свет на цилиндр падает с разных сторон. Дескать, истина одна, а правд может быть множество – в зависимости от того, с какого угла/курса взглянуть.

Друзья Виктора Цоя вспоминали, что, поскольку в 1981 году он был отчислен из Серовского училища, *«тусовка жила именно так, как об этом спето»*. Другая версия: *«как вспоминал его отец, большую часть времени [Цой] лежал на диване»*. В принципе между версиями нет противоречий, ибо юность мобильна: можно и с друзьями успеть потусоваться (например, вечером с пивасиком-рыбкой или водочкой-огурчиком), и дома на диване полежать (весь день с утра до... бесконечности, вернее, до момента встречи с тусовкой).

А вот чтобы сделать свой третий «трек» менее автобио-

графичным, Михаил Гундарин отказывается от лирического «я» и называет героя «весомо, грубо зримо» Тихоглазовым (подозреваю для того, чтобы прорвать громаду лет и явиться в грядущее так, *«как в наши дни вошёл водопровод, срабатанный ещё рабами Рима»*).

Чуешь Маяковского, дорогой мой интеллектуальный читатель? Да-да, герой неспроста назван Тихоглазовым без имени-отчества, *«классическим бездельником»*, быть которым даже лирическое «я» автора испытало физическое и духовное отвращение, а потому не пожалело. Глаз-то типа не зоркий, а... тихий: *«Конец семидесятых уже показывал нам грядущие признаки демократического разложения, смотри-те, мол, в оба – да кто бы разглядел»*. Товарищ, гляди в оба! Он же! Как пить дать он! Маяковский, курилка! Как и обещал, дошёл до нас через тексты Гундарина, *«через хребты веков и через головы поэтов и правительств»*.

И кстати (тут уже моё персональное лирическое отступление): кто из нас, сочиняя что-либо на досуге или без досуга, да и просто ничего не сочиняя, не любил (в детстве и юности) поваляться на диване. Кто из нас ещё и сегодня не любит делать это же самое или нечто подобное (то бишь ничего не делать и даже ничего не сочинять)! Мало ли нынче так называемых диванных поэтов, писателей и (особенно!) аналитиков/*аналитегов*...

Сюжет «трека» прост: некий бездельник сдаёт внаём две из трёх комнат своей квартиры: первую – куче тувинцев (ко-

которые периодически, волнами, сменяют на постое один другого), вторую – старику-мистика Кривошееву, который «в своё время был самым первым в городе астрологом, долго вёл персональную рубрику в местной газете, имел частную практику. Затем астрология потеряла актуальность, да и сам Кривошеев отказался от неё ради более интересных и глубоких опытов».

Так вот, этот всемогущий Кривошеев с помощью манипуляций и своего чудодейственного напитка может запросто устроить любому встречу «с Вечным, с Абсолютом, с Цо-ем». То есть если в первых двух рассказах-«треках» имя Цой у Гундарина сквозит как бы незримо, подтекстом, намёками-экивоками, исподволь, то в третьем впервые упоминается в открытую и снова «весомо, грубо, зримо». И далее обыгрывается в рассказе в течение всего повествования.

В этом «треке» у Гундарина впервые (не вообще в творчестве, а в конкретной книге) крупным планом проступает тема «лишнего человека». И у Цоя она, кстати, тоже вполне выпукла. Вот к примеру:

«...Гуляю,

Я один гуляю.

Что дальше делать, я не знаю,

Нет дома,

Никого нет дома,

Я лишний, словно куча лома, ууу...

...Я снова человек без цели...»

Как видим, гундаринский Тихоглазов – ровно такой же лишний человек из серии/плеяды: Онегин-Печорин-Бельтов-Рудин-Лаврецкий-Чилкату-рин-Безухов-Обломов-[...тут большой перерыв по времени и по героям...]-Никандр-Тихоглазов! Спросите, кто такой Никандр? Он тоже персонаж гундаринский – из более раннего творения «Анна Карнегина» (кстати, и о ней отдельную рецензию можно написать, если какое издание заинтересуется, а без интереса мне писать в лом).

Так что, повторюсь, в одном рассказе-«треке» – аллюзия с целой толпой «лишних» людей. Так сказать, предшественников Тихоглазова из XIX века. На создателей образов этих «лишних» автор книги «#ПесниЦоя» может опереться как на истоки и не просто может, а смело опирается: на Пушкина, Лермонтова, Герцена, снова на Тургенева, на Гончарова и даже на самого Льва Толстого (как *зеркало русской революции*).

Кстати, в поздний период на концертах Цоя песня «Бездельник» уже не исполнялась: поэт, певец и музыкант перестал быть/чувствовать себя лишним, нашёл себя в этом мире и своё место под солнцем.

...Ещё одна прямая аллюзия. Думаете обошлось без Гоголя? А вот и нет! Ни разу не обошлось!

Тихоглазов не просто бездельник, он – пустой мечтатель, впрочем, безобидный малый (в отличие от его постояльца старика Кривошеева). Опять же: можно сказать, пустой

мечтатель, а можно – Ганс Христиан Андерсен! В смысле: сказочник. Кому что ближе. Многозначность/поливариантность.

Вот тут, к примеру, что? Поцитируем чуток. Полюбил Тихоглазов *«две вещи: лежать в своей, самой маленькой, комнате на узкой, подростковой ещё кровати (на века делали) и мечтать о пустяках...»*. Мечты, мечты, где ваша сладость (тут мимоходом снова не обошлось без Пушкина): *«Хорошо было бы также попасть на машину времени [чем тут не Герберт Уэллс? – В.Б.] и оказаться в прошлом. Накупить золота. Или акций Газпрома. Или махнуть в Питер, на улицу Рубинштейна, пообщаться с Виктором Цоем (его Тихоглазов как-то особенно выделял из всей этой рок-братии)»*. И чем тут к тому же не Гоголь во всей своей красе. Вспомним-ка этот тест: *«Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян!»* Гоголь-моголь! Как пить дать, Гоголь!

Но у гоголевского Манилова все мечты остались несбыточными (потому и маниловщина). А в «треке»-рассказе Гундарина мечты главного героя – бац! – и сбываются, как в Газпроме (у его топ-менеджеров), ибо *«освободившийся дух [Тихоглазова] немедленно слился с сонмом себе подобных и*

понёлся вокруг Земли... его дух соседствовал и содружествовал с тихоглазовским – собственно, им и был». То есть под «кайфом» (неважно каким – хоть так!) главный герой реализовал все свои детские мечтания (вот где их сладость!). Так всегда бывает у доверчивых бездельников: мистик-старик Кривошеев из деревянного кубка под хохлому опоил Тихоглазова зеленоватой бурдой (у Цоя: *«мозг переполнен сумбуром и бредом»*).

Тихоглазов так самим собой и остался – всю оставшуюся жизнь бездельничать и даже с постели больше не подниматься (у Цоя: *«Все говорят, что надо кем-то становиться, а я хотел бы остаться собой»*), ведь Кривошеев *«намеревался уложить его на кровать, поить, кормить по минимуму»*, правда, при этом уже на правах хозяина пользоваться тихоглазовской жилплощадью. Деятельный мистик-старик сработал, что называется, по всем фронтам, на опережение, ибо *«кроме того, он кое-что кое-кому обещал – по мелочи: кончик левого уха и ноготь с мизинца Тихоглазова»*.

Не правда ли, каждый получил то, о чём мечтал?!

...Чувствуешь новую тему, уважаемый читатель? Тема жилплощади. Квартирный вопрос многих испортил (а в остальном все люди как люди). С одной стороны – Михаил Булгаков, тема литературная (тёзка Гундарина опять же: совпадение? не думаю!) С другой – жизнь как она есть, сугубый реализм во всей его глубине: именно таким образом чёрные риелторы убивают собственников жилья, чтобы от-

нять у них квартиры, «помочь» кому-то решить жилищный вопрос (и самому в любом случае обогатиться: хоть квартиркой, хоть денежкой). Или тема: «Отцы и дети», «Деды/отцы и их наследники» – юное поколение отправляет в небытие отцов/стариков, чтобы самому пожить на освободившихся квадратных метрах. У Гундарина почему-то наоборот: старик отправил в мир иной – парадокс, при этом туда не отправляя! – молодого бездельника: духовная, а не физическая смерть; у Цоя: *«отправляюсь спать, чтоб завтра встать, и всё сначала»*.

Назидание потомкам: дети, юноши и люди, не занимайтесь ерундой и не валяйтесь без дела на диване! По крайней мере, валяясь, надо что-то сочинять, творить, выдумывать, пробовать, как это делал мистик-старик Кривошеев и как призывал в поэме «Хорошо!» Маяковский. Только тогда у вас тоже всё будет хорошо.

...Живчиком был дедок, а мы подведём итог третьему «треку»: Гундарин, Цой, Булгаков, Герцен, Гоголь, Гончаров, Лермонтов, Маяковский, Пушкин, Толстой, Тургенев, Уэллс.

Можно скромнее: Булгаков, Герцен, Гоголь, Гончаров, Гундарин, Лермонтов, Маяковский, Пушкин, Толстой, Тургенев, Уэллс, Цой (тут впервые ряд столь длинен, и все творцы-предшественники поставлены по алфавиту; жаль, что Цой оказался в конце). Пляда намного круче, чем в двух предыдущих треках, не правда ли?

P.s. Моя рецензия (или «рецензия») на третий «трек» по количеству «букафф» получилась чуть ли не такой же, как гундаринский оригинал. Некоторые последующие главки-рецензии не отстанут и будут столь же объёмными (надеюсь, что и ёмкими по смыслу).

Кукушка

В журнале «Сибирские огни» рассказ не публиковался – по каким-то причинам попал под сокращение. Хочется думать, что причина столь жёсткой руки редактора не подлянка, а всего-навсего отсутствие жизненного журнального пространства.

Таким образом, впервые рассказ опубликован в отдельной книге.

Начало «трека» у Гундарина многообещающее: *«Папа гневно нависал над дядей Колей как экскаватор над малолитражкой или как слон над Моськой...»* Хмм... Как экскаватор над малолитражной... Пробовали представить такое? Попробуйте. Видимо, речь всё же идёт не о самом экскаваторе, а его ковше (лучше – поднятом вверх). Слон над Моськой? Баснописец Крылов! Ай, да Моська – знать сильна, раз лает на слона! Так что в принципе и, правда, неизвестно, кто над кем нависает.

Если что, то «дядя Коля» – это начальник телохранителей/личной охраны одного гражданина глазами сына этого гражданина. Однако не по этой линии пойдёт развитие сюжета. В этой «линии» автор, что называется, лишь «застолбил» литературно-поэтическое место, то есть обозначил, что хорошо знаком с творчеством баснописца Крылова.

Если ближе к делу, то сюжет почти мистический. В хоро-

шо охраняемом доме олигарха или почти олигарха (а если не «олигарха» и не «почти», то очень богатого господина) происходят чудеса: днём неизвестно как и куда периодически пропадает двухлетняя дочь хозяина от первого брака, а потом столь же мистически появляется в доме снова («из *ми* *ража, из ничего*», как поётся в песне кинофильма «Обыкновенное чудо»). Никто, как ни тщится, не может даже предположить, как такое может быть: ни отец, ни многочисленная охрана, которой это положено по статусу, ни вторая супруга господина. Тайну исчезновения/появления, возможно, знает пятилетний мальчик (тоже сын богача от первого брака), но отец не придаёт словам малолетнего отпрыска никакого значения – мол, это если и не бред сивой кобылы, то бурные детские фантазии. И состоятельный гражданин призывает в дом сыщика (может, и самого «Шерлока Холма», пусть и местного разлива).

Аллюзия: помните про личное обращение лирического «я» с вопросом к кукушке в цоевской песне: мол, в городе ему, этому «герою», жить *«или на выселках, камнем лежать или гореть звездой»*? «Кукушка» – одна из самых известных и сильных песен Цоя, созданная незадолго до его трагической гибели. Несравнимо более известная, нежели «Легенда», «Генерал» и «Бездельник» вместе взятые, по мотивам которых написаны первые три гундаринских «трека». Не случайно поэтому её потом не раз перепевало множество других исполнителей, хороших и разных (из хороших такие

яркие как Земфира и Полина Гагарина).

Юрий Гаспарян, рок-гитарист группы «Кино» вспоминал, как Виктор Цой сочинял свою «Кукушку»: *«... Это очень личное... Он целый день просидел в этом сарайчике, где была студия, то есть совершенно отдельно. Прямо чувствовалось, что серьёзное что-то происходит. До этого я её не слышал, только в Юрмале услышал... Дело в том, что песни он придумывал всегда сам, наедине с собой. Нам-то приносил всегда готовый материал, показывал...»*

Думается, и свой рассказ (а, может, и все остальные «треки») Михаил Гундарин сочинял, пусть и не «в сарайчике, где была студия», но тоже «всегда сам» (не за него же писали!) и «наедине с собой», и на поверку тоже выносил не сырьё, а «всегда готовый материал».

Вернёмся к тексту рассказа. В доме богача всё время мистически бьют часы, синхронизируясь, возможно, с моментами пропажи девочки. Если бы ребёнок не пропал, то и в бое часов никто из читателей и рецензентов никакой мистики бы не увидел:

«... – Сукин кот, – хрипло сказали большие часы-башня около лестницы. – Бум. Ку-ку...».

«... Кукушка пропела три раза...»

По мере развития сюжета обстановка накаляется, у читателя начинает захватывать дух, и всё уже свидетельствует о том, что читатель вот-вот нырнёт или в сказку, или в мистику, как, например, в «Бездельнике»! Ан нет! Ларчик просто

открывался! Вернее, даже не ларчик, а старинные часы с ги-
рями. И тут как раз самое время остановиться и забросить
удочку/крючок с наживкой «Ищите женщину!»»

«...Татьяна вон тоже: мистика, привидения... “В злове-
щий час, когда кукушка кукует, а дети исчезают...”. Зачем
детективов, экстрасенсов, мол, зови... Бред, бред! – [репли-
ка хозяина дома – В.Б.]

– Татьяна, то есть, Татьяна Сергеевна, как понима-
ем, ваша жена? – [моментальная реакция приглашённого
«Шерлока Холмса» – В.В.]

– Ну, скажем, так...»

Есть устоявшийся (ну, хотя бы по народным сказкам/ска-
заниям/приметам) литературный штамп: мачехи не любят
падчериц (продолжим по инерции: и, видимо, пасынков).
Впрочем, падчериц – стопудово (вспомним хоть «Золушку»,
хоть «Двенадцать месяцев», хоть что-нибудь ещё, что здесь
и сейчас не вспоминается). Про пасынков сказок я не при-
помню, но всё равно пусть эта мысль пока тут полежит.

Чувствуете Шарля Перро, братьев Гримм и Джамбаттисту
Базиле вместе взятых? Не чувствуете? А их есть у меня, вер-
нее, у автора «#ПесенЦоя»!

Чувствуете Самуила Маршака? Неважно, ибо он тоже в
наличии имеется!

С одной стороны, в жизни не всё так однозначно, ина-
че народ не брал бы из детских домов сирот для удочере-
ния/усыновления (по велению души, а не только по причине,

что по медицинским основаниям сами иметь детей не могут, или что за сирот дают большой куш/приданое в виде материнского капитала). С другой стороны, в каждом житейском и словесном штампе, как в шутке, есть доля истины, на которой (этой доле) внешне и построен сюжет четвёртого «трека» книги Гундарина.

Открываем ларчик с часами, с кукушкой и шкафчиком.
У Цоя:

«Кто пойдёт по следу одинокому?»

Сильные да смелые головы сложили в поле в бою.

Мало кто остался в светлой памяти,

В трезвом уме да с твёрдой рукой в строю, в строю...»

Местный «Шерлок Холмс» на пару со своей помощницей находятся в светлой памяти, в трезвом уме и с твёрдой рукой, а потому привели в дом собаку-ищейку (чего прежде не догадались сделать ни хозяин дома, ни его недалёкая по уровню развития сознания охрана). Собака и пойдёт «по следу одинокому»! Она и приведёт всех к часам с кукушкой. Так и открылся наш (вернее, хозяйский) ларчик. Дочка пряталась именно там, в часах. В рассказе прямо не сказано, что это были за часы. Но мы попробуем порассуждать. Если бы они настенные, к примеру, вот такие...

...или такие:

...или любые другие аналогичные, то девочка, даже двух-летняя, вряд ли бы туда сумела залезть и там поместиться.

Дальновидному/смекалистому читателю (а вместе с ним и рецензенту) самому приходится догадываться, что часы, упомянутые в «треке» явно были старинными и напольными. Видимо, раритетными, ибо хозяин дома – мужчина весь-

ма состоятельный. Но даже не все напольные часы подходят для «прятков».

Вот в таких разве девочка поместилась бы? Вряд ли! Тут негде!

Значит, часы были такими, какие есть на следующей картинке (видите некое вместилище в нижней части конструкции часов, куда может спрятаться маленькая двухлетняя девочка?)

Конечно, сложиться ей пришлось бы вдвое-втрое, что называется, в три погибели, но поместиться она там поместилась бы:

ЗОЛОТАЯ МЕЛЬНИЦА

АНТИКВАРИАТ

В конце концов добро победило зло, как в сказке «Золушка» или в «Двенадцати месяцах». Вот девочка сидит в часах. Но! Она не сама там спряталась, а «добрая» мачеха, называя себя «мамой», накачивала малышку то ли чем-то седативным, то ли вообще наркотиками, и засовывала её туда, чтобы под ногами не путалась и жить не мешала. Мачеха и мальчика не раз пыталась в часы с кукушкой втиснуть хоть тушкой, хоть чучелком, но мальчик-то уже пятилетний, телом покрупнее, в «ящик» так и не влез:

«... – Танька... – рычит папа...»

Про сжатые отцовские кулаки автор «треков» ничего нам не сообщает, но тут на помощь, как и положено, приходит Виктор Цой:

*«Солнце моё, взгляни на меня,
Моя ладонь превратилась в кулак,
И если есть порох – дай огня.
Вот так...»*

А вот тётя Таня (так сказать вторая «мама») в один миг куда-то пропала, будто вовсе не бывало. У Цоя:

«Где же ты теперь, воля вольная?»

«С кем же ты сейчас ласковый рассвет встречаешь? Ответь...»

Куда конкретно пропала сия тётя, автор книги нам ответа тоже не даёт. Можем предположить, что на всякий случай просто сбежала, куда глаза глядели.

...Говорите, не сказка? А вот я уверен, что самая настоящая сказка. В сказках всё именно так и полагается. Особенно счастливый конец.

Итог по четвёртому «треку»: Гундарин, Цой, Grimm (братя), Базиле, Крылов, Перо.

Можно в алфавитном порядке (сильно скромнее в отношении автора книги тут не получится – попадает в серединку списка): Базиле, Grimm, Гундарин, Крылов, Перо, Цой.

«Песен ещё ненаписанных, сколько?»

Скажи, кукушка, пропой...»

А вот тут ответ есть! Осталось ещё ровно восемь треков.

Прогулка романтика

Один раз уже написал, но не худо бы и повториться: автор с третьего «трека» («Бездельник»), пусть и не навсегда, отказывается от «лирического героизма». Его персонажи начинают быть не «я», вернее, не только «я», а получают говорящие имена. В «Прогулке романтика» главный герой – некий Копытов (чёрт? маленький/мелкий бес?). Быстренько вспоминаем Фёдора Сологуба, дорогой читатель! А кто не читал «Мелкого беса», ещё не поздно это сделать прямо сейчас.

Сюжет гундаринского рассказа: поэт-неудачник всю жизнь гонится за литературными премиями, за птицей счастья завтрашнего дня, но вечно на один-два шага отстаёт, не дотягивает до финала. То шорт-лист (два раза!), то лонг-лист (целых три!). Помните? Кто постарше, то наверняка вспомнит и усмехнётся: *«Три магнитофона, три кинокамеры заграничных, три портсигара отечественных, куртка замшевая... три куртки. Магнитофон импортный! Пиджак!...»*

В общем, дела у Копытова таковы: *«В “Эмигрантской лире” дошёл до финала (там местных тоже пускают)»*. Тут моя ремарка: автор хотел сказать как раз про «не местных» (типа: люди хорошие, помогите, сами мы не местные), ибо издаётся «Эмигрантская лира» всё-таки в Бельгии, в Льеже. Прямо-таки иностранный агент... семи разведок! «Национал-предатель» и «пятая колонна» – это нынче столь

же модно, сколь и опасно!

Однако не отвлекаемся на пустяки и продолжаем речь о достижениях главного персонажа, гонящегося за синей птицей (Метерлинк!): *«Ну, само собой, подборки в “Знамени”, “Дружбе народов” – по одной, в “Дне и ночи” целых четыре, но это почти не считается. В коллективных подборках публикаций, что называется, без счёта. Две книги в небольших московских издательствах, известных среди своих».*

Дело неуклонно движется к славе: то ли общероссийской, то ли мировой/глобальной. Или, как в «12 стульях» (Двенадцать! – и Ильф с Петровым, и Блок), речь идёт уже даже о *«первом в истории мироздания межпланетном шахматном конгрессе»*. Ещё немного, ещё чуть-чуть, последний бой – он трудный самый. Копытов вот-вот получит некий «Дебют». Ну, ещё чуть-чуть, ещё поднажать, рогом упереться, ну же! – и... Но этого «и» нет и нет. А «знающие люди» меж тем то это советуют, то то, то сё, то то да сё, то пятое и десятое, то всё вместе. Не хотят выпускать его из своих тенет. Явно «разводят на бабки», но автор книги почему-то оставляет этот сюжет за скобками, намекает, но то ли не разворачивает, то ли умалчивает/не договаривает (может, он и сам, плетя свои узоры и сети, на собственный крючок попадался).

Цоя и романтики, признаться (на мой взгляд дилетанта), в «треке» Гундарина не так уж много. Вернее, так: Цоя в четвёртом «треке» меньше, чем хотелось бы и чем есть в других «треках». Просто некое упоминание: *«На старень-*

ком, но вполне годном ноутбуке [Копытов] ставит на всю (небольшую) громкость один и тот же плей-лист. Песни его детства и юности. От Цоя и “Нирваны” до “Сплина” и “Оазиса”...»; а вот романтики я тут и вовсе не увидел. Автор из всей романтики Цоя вытащил... кусочек мистики. Допускаю, что я глядел или плохо, или в другую сторону (что, впрочем, тоже плохо, а значит, что и не глядел совсем).

Разве что оба: и Цой (лирический герой его песни), и Копытов (не лирический, но герой рассказа Гундарина) находятся по эту, а не по ту сторону окна. Вся жизнь – внутри них самих. У Цоя: *«Гроза за окном, гроза с той стороны окна, горят фонари и причудливы тени. Я смотрю в ночь, я вижу, что ночь темна...»* В «треке» Гундарина весь сюжет и весь «миллион терзаний» по сути тоже происходят в квартире главного персонажа/внутри себя.

И там, и сям – вино. Алкоголь! У Цоя: *«Я пил вино. Я так люблю вино»*. Напился – и гуляй в собственных фантазиях, сколько и где хочешь. Гуляй-не хочу! У Гундарина Копытов, с каждым днём повышая градус, тоскует о несбывшемся (мол, «провинциалов обижают») и мечтает перебраться в столицу (кстати, сам автор книги в Белокаменную из провинции несколько лет назад тоже перебрался), но... *«Копытов, увлечённо мотающийся по стране, её фестивалям и тусовкам (да, и на паре мелких слэмов он победил!), об этом [чтобы перебраться] как-то не думал...»* А вот автор «#ПесенЦоя» по фестивалям и тусовкам ещё как мотался! И про-

должает мотаться довольно активно! От чьего ж тогда имени возникла модальность «надо бы перебираться», не очень понятно, ведь Копытов – герой лишь рассказа Гундарина, но отнюдь не его романа.

Ещё Копытов мечтает взлететь. Помните Катерину с её монологом из «Грозы», который в советской школе учили наизусть (или близко к тексту)? *«Отчего люди не летают! Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь?»* Кто помнит, тот знает, что это Островский. Не тот, который Николай Алексеевич с его сентенциями, как надо суметь прожить жизнь, чтобы *«не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»*, а тот, который драматург Александр Николаевич аж из века XIX. Фиксируем Островского.

Конец пятого «трека» безрадостен. Снова алкоголь (смешаны реальность и фантазии): *«Покупает за маленькие деньги бутылку водки местного производства, пакет яблочного сока, запасается льдом и несложными закусками. Делает себе коктейль в пивном бокале»*. В общем, всё смешивает-перемешивает (да, всё смешалось в доме Облонских!) и взбалтывает. Чем здесь, во-первых, не Толстой, который Лев (не путать с двумя Алексеями), а, во-вторых, не Венедикт Ерофеев с его «Москвой-Петушками»? Вот тут (имеется в виду «трек» «Прогулка романтика», а не «Москва-Пе-

тушки») напрямую возникает Цой, вернее, его песни. Одурманенный алкогольным градусом и парами, Копытов среди прочего набора музыки слушает и Цоя. Но вдруг осознает, что сам ничего и никогда больше не напишет. Это ещё раз подчёркивает (и тут торг и спекуляции неуместны!), что герой «трека» не есть её автор. Ибо сам автор весьма плодовит, пишет и много где публикуется, а потому напишет ещё много чего хорошего и разного.

Если в рассказе Гундарина романтики не наблюдается, то, что касается самой песни Цоя «Прогулка романтика», там вроде всё так, как и положено для освещения/раскрытия этой темы: «гроза за окном», «ночь темна», «фонари», «причудливые тени». Даже «чёрные кошки перебегают дорогу», однако последнее скорее тоже ближе к мистике, нежели к романтике. Реальность и там, и сям всё равно берёт своё. К примеру, у Цоя:

*«Я проснулся в метро,
Когда там тушили свет,
Меня разбудил человек в красной шапке.
Это кольцо,
И обратного поезда нет...»*

Про реальность Гундарина уже сказано.

...Итак однородный ряд: Блок, Гундарин, Ерофеев, Ильф и Петров, Метерлинк, Островский (Александр), Сологуб, Толстой (Лев), Цой.

Ночь

В журнале «Сибирские огни» рассказ не публиковался – попал под сокращение. Впервые опубликован в отдельной книге.

По большому счёту это вовсе и не рассказ – тут нет завязки, кульминации, развязки. Нет сюжета. Ничего нет. Скорее это эссе/рефлексия/полурефлексия или её треть на тему биографии (биографических тонкостей/особенностей) и поэтического творчества Манделъштама, стихи которого, пусть не все, автор «#ПесенЦоя» если и не боготворит/обожает, то, несомненно, любит и почитает. Или литературная критика. Или литературоведческая статья. Или вообще эскиз/черновик будущей узкоспециализированной монографии, в которой речь идёт большей частью об одном произведении Манделъштама – об «Оде Сталину». Думается, редакция «Сибирских огней» неспроста исключила именно этот «трек» из журнальной публикации прошлого года. Слишком уж сильно выбивается «трек» из всего остального. Слишком явно торчат уши не прозаика, а учёного, философа и исследователя.

Читаешь «Ночь» и невольно лезет на ум негодная думка: автор всеми своими силами (и, видимо, всеми фибрами своей души) хочет развенчать устоявшийся штамп-тезис об идейном антисталинизме Манделъштама и даже понача-

ду поселить в читателе мысль, что Мандельштам, возможно, был или человеком по характеру слабым, или, как положено поэту, натурой мятущейся/мечущейся: то так, то сяк (возможно, именно «так-сяк» в реальности и было). Дескать, все мы люди-человеки, в душе неоднозначны и порой мечемся, а Мандельштам разве бог? Разве не обычный человек? Не такой же, как мы все?

А затем, втеревшись к читателю в доверие, автор прямо подталкивает его к выводу, что, мол, Сталин на самом деле был истинным кумиром Мандельштама, каковым (кумиром) Сталин является и для самого автора «#ПесенЦоя» (во всяком случае так представилось рецензенту после прочтения «Ночи»): «... Удивительна судьба этой вещи, могущей быть уничтоженной навеки с куда большей вероятностью, чем все прочие вещи этого периода. И не усилиями НКВД, конечно, а колебаниями Вдовы – не истребить ли текст, порочащий светлый образ Мандельштама как непреклонного ненавистника режима? Ладно, слава Богу, было решено: не истребить, так опорочить. Именно от Н.Я.Мандельштам идёт традиция представлять “Оду” как минутное заблуждение, простительную слабость гения. При этом, как мы помним, такой обструкции подвергся именно этот текст (а другие, условно говоря, “престалинские” стихи, не вполне понятно почему, объявлены искренними). Ну, то есть “головою повинной тяжёл” – это он от души, а “лес человечества идёт за ним, густея” – в минуту душевного упадка ... Были,

впрочем, попытки доказать, что в “Оде” скрыта хитрая издевка над героем (которую консультант НКВД, видите ли, не разглядел, а эти – запросто). Про намёки на дрогнувший рассудок поэта уж и говорить не хочется – но звучали, звучали и они...»

Да простит мне незлобивый/благодушный читатель столь длинную цитату! Приведена она в качестве иллюстрации с той целью, чтобы каждый мог сам покумекать и сделать собственный вывод, возможно отличный от видения ангажированного рецензента (не всякий же читающий рецензию полезет искать первоисточник, хотя бывает и иначе: не всякий читающий оригинал полезет читать критику).

Ссылаясь на легендарную книжку некоего М.Л.Гаспарова, Михаил Гундарин вслед за этим непререкаемым (в определённых кругах) авторитетом по сути также ставит «... “хорошие” “Стихи о неизвестном солдате” и “плохую” “Оду”...» в один однородный ряд.

Далее автор то ли проникает в голову Сталина, как в свою собственную, то ли как добросовестный исследователь пытается реконструировать мысли «отца народов»: «А что, если “Ода” произвела на Сталина такое впечатление, что он поспешил разделаться с автором, а потом вздохнул с облегчением – уничтожена несомненная угроза?» Остроумная и невероятная догадка! В каком-то смысле гениальная.

Догадка не повисает в воздухе, а становится развёрнутой мыслью. Поскольку, по мнению, Гундарина, «Мандельштам

создаёт в “Оде”, написанной, конечно же, предельно искренне, самого идеального, самого мощного и высокого героя в своей поэзии», то тут-то, с его точки зрения, Сталин встал на дыбы и взбеленился. Почему? Да потому что настолько проник в глубины «Оды», что понял: его поэтический образ лучше него самого настоящего, то есть лучше оригинала: «Сталин в мандельштамовской оде слишком хорош в сравнении с оригиналом... Это полный отрыв образа от оригинала. И образ – куда как мощнее, привлекательнее и убедительнее. Всякий чуткий и пристрастный читатель на месте реального кремлёвского деятеля почувствовал бы себя уязвлённым... Живой Сталин увидел перед собой не только и не столько идеальный образец правителя, а укор ему, живому – он лицом к лицу встретился с возможностью гигантского истукана, своего улучшенного двойника. Который, если что, одолеет на раз слабое человеческое подобие со всеми спецотделами НКВД...»

Не устану извиняться в этой главке. И пусть мне снова простит благожелательный и снисходительный читатель столь длинную цитату! Лучше автора «трека» его развёрнутую мысль не перескажешь. Что поделать, не посчитал Сталин Мандельштама великим творцом, которого стоит беречь, холить, лелеять и не отправлять в гулаговские лагеря. В отличие, скажем, от того, как посчитал великим Максима Горького, которого никуда не отправил (хотя и бытует версия, что приказал Горького отравить). Да и большой поэт

Пастернак, когда Сталин позвонил к нему за консультацией по поводу Мандельштама, вроде как испугался и защищать коллегу по цеху не стал. Возможно, потому, что Пастернак и сам не считал «коллегу» великим поэтом. По крайней мере один стих Мандельштама (в массовом сознании чуть ли не самый известный) автор «Доктора Живаго» точно отказался причислить к высокой поэзии («*То, что вы мне прочли, не имеет никакого отношения к литературе, поэзии*»). Если так думал Пастернак, что уж говорить о «*придирчивом любителе высоких искусств*» (так Гундарин с мягкой добродушной иронией обозначает Сталина, словно по плечу его похлопывает)!

Автор шестого «трека» загадочно, вроде бы как риторическим вопросом, но на самом деле отнюдь не риторически, подмигивает читателю: «*Умеет ли поэзия управлять силами природы, вызывать к жизни сверхъестественные явления?*» Дальше фантазия автора, не побоюсь таких слов, прямо-таки срывается с цепи, вырывается на оперативный/степной, а то и на стратегический простор и несётся Русью-птицей-тройкой во всю прыть, снося всё на своём пути. А, пробежавшись, не запыхавшись, не запылившись и нисколько не устав, прямо-таки взмывает в космос: «*...мандельштамовский Сталин, герой "Оды" – голем. А сама "Ода" есть текст заклинания, которое, будучи написанным на пергаменте, влагаетя в тело голема и управляет им*».

Думаю, автор со своей новой гениальной догадкой взле-

тает в космос не для того, чтобы увидеть наш прекрасный мир с высоты птичьего полёта, вернее, с высоты, откуда видел её Юрий Гагарин (хотя и для этого, несомненно, тоже) и не для того, чтобы читатель вспомнил, кто такой голем (мифическое антропоморфное существо в еврейской мифологии, полностью созданное из неживой материи, обычно из глины или грязи). А для того, чтобы снова подчеркнуть свою неразрывную и глубинную связь со всемирной литературой: например, с Арнимом, Шелли, Гофманом, Гейне, Майнринком, Холичером, Томасом Манном (не путать с другими Маннами), Лемом, Борхесом, Умберто Эко, Диной Рубиной и несметными полчищами иных творцов второго, третьего и четвёртого эшелона (включая даже Лукьяненко и Пелевина), писавших о големе. Вот и автор «#ПесенЦоя» встал в этот строй.

Читал я и всё время думал: а где же, собственно говоря, в «треке» Цой? Есть ли Цой тут вообще? Свербило: скорее нет, чем есть. «Пациент скорее мёртв, чем жив», как сказал один из «лекарей» в советской киноверсии детской сказки «Буратино».

Где в одной «Ночи» аллюзия к «Ночи» второй?

Разве что вот это? Сталинское время – ночь. Трагическая судьба Мандельштама – ночь. Возможно, это уже собственные измышления/аллюзии/ассоциации рецензента, тем не менее. У Цоя:

«...И это моё дело – любить ночь,

И это моё право – уйти в тень...»

Или это? «Я люблю дым и пепел своих папирос». Но Сталин вроде трубку курил. Впрочем, и тут без дыма не обходилось (никакое курение без него не обходится).

Или нет, всё-таки это – о лагерной смерти Мандельштама.

*«И эта ночь, и её электрический свет бьёт мне в глаза,
И эта ночь, и её электрический дождь бьёт мне в окно,
И эта ночь, и её электрический голос манит меня к себе,
И я не знаю, как мне прожить следующий день...»*

...Предсказание Гундарина звучит как-то совсем зловеще: «...Один из монументальных аватаров нынешнего, временного хозяина Кремля стал бы идеальным вариантом. Главное – готовая магическая программа. И в новом, горном Кремле воссядет тот, кто будет, исполняя волю поэта, максимально эффективным, лучшим из Сталиных...».

И... что бы вы думали? Авторская насмешка в конце «трека»! Игры разума Гундарина (его игра – это совсем не тот сон, который рождает чудовищ): «Собственно, всё уже было сделано – разве что “Ода”, лишённая в отсутствие автора магического огня, не сработала, и воображаемый голем разошёлся, рассыпался на мелкие кусочки. Истёрся в песок. Из которого можно теперь слепить что угодно... **И даже прочитанное вами только что...**»

Прочтёшь последнее предложение и рот откроешь от неожиданности.

Ведь правда же, насмешка?

...Итак, литературно-художественные истоки «трека»: Арним, Шелли, Гофман, Гейне, Майнринк, Холичер, Томас Манн (не путать с другими Маннами), Лем, Борхес, Умберто Эко, Дина Рубина. И, разумеется, Мандельштам – его в треке несравнимо больше, чем ночей Цоя и теней от цоевских песен. Из кучи иных творцов второго и третьего ряда в «истоках» поименуем разве что Лукьяненко и Пелевина, пусть они даже и современники Гундарина.

Троллейбус

Сразу огласим... нет, не приговор, а, следуя традиции, сюжет. На сей раз весь и сразу, не растекаясь мыслью-мыслью по древу.

Два мента (один – аж целый генерал!), может быть, два жулика (или один честный, второй жулик – тут уж кто из читателей как поймёт) ведут «производственный» диалог о расследовании уголовного дела и, соответственно, о подследственном (о третьем жулике), присутствующем где-то рядом, но незримо. Генерал в повествовании без ФИО, просто генерал. Он является новым, недавно назначенным начальником второго жулика, у которого фамилия есть – Иванов. Так сказать, простая русская фамилия. Каждый из «собеседников» по ходу развития разговора (и сюжета) понимает, что делает и что ему надо делать дальше. Компромисс, похоже, находится. Что конкретно? Вот тут опять, как во многих «треках» Гундарина каждый читатель может (и имеет право) понять по-своему: у автора смысл не только полифоничен, но и многовариантен.

«... – Это всё восьмидесятые годы, – сказал, уныло вздохнув, генерал и нервно погладил себя по макушке». То ли, и правда (гундаринские полутона), пришло поколение честных генералов, то ли молодой генерал ведёт игру уже даже не второго-третьего, а четвёртого-пятого-десятого уровня/по-

рядка: дескать, ты, подчинённый, с начальством прежде не делился, теперь научим тебя делиться не угрозой колюще-режущим предметом (финкой) под ребро, не «случайным» отказом тормозов на твоей машине, не тем, что выведем в лес, а тем, что устроим провокацию со взяткой и окажешься ты, жадюга, в местах не столь отдалённых на долгие годы (бесконечно будет ехать троллейбус – обоим/одному из «собеседников» на миг/на вечность представилось это общественное транспортное средство).

В общем, вроде как в кабинете, а вроде как и в троллейбусе (помните цоевское из «Печали»? *«И, вроде, жив и здоров. И, вроде, жить – не тужить»*). А у одного из жуликов, когда он случайно теряет сознание, вдобавок ко всем напастям ещё и потусторонний мир в сознании (или наяву?) проskalъзывает. *«Издавлекa по мрачной улице приближалось облачко, внутри которого хватался за бока, извивался, прямо ухохатывался представитель выявленной генералом породы мелких бесов. Увы, Иванову он был знаком очень хорошо. И с тех самых восьмидесятих...»* Ба! Знакомые все лица! Опять Сологуб! Как пить дать, Фёдор Кузьмич прямой наводкой, вернее, собственной персоной (впрочем, и наводкой тоже)! Уже без иллюзий и аллюзий, а прямым текстом. Так сказать, иду «на вы»! С открытым забралом.

Сологуб звучит и в назидательно-морализаторско-пропагандистских словах генерала: *«...вообще как будто наша планета, ну, её советская часть, влетела в отравленный*

пояс. В облако мелких бесов, нацепляла их на себя и летит дальше». Вот были бы не мелкие бесы, а крупные (или хотя бы средних размеров), был бы не Сологуб, а Достоевский – он о таких писал. Но, возможно, крупных бесов и Достоевского автор книги решил придержать на закуску – для своих последующих произведений: не коротких, а монументальных.

Что ещё мы видим в тексте? Снова насмешку? Или издевательство над нашей великой историей и её лидерами (в том числе национальными)? Фальсификацию? «Сверху, через генеральскую голову, на Иванова без какого-либо выражения смотрел Путин. Сбоку – со своей вечной презрительной полуухмылкой, вполоборота – Дзержинский...» Это в былые времена такое можно было позволить без вреда для собственного здоровья и считать безобидной шуткой, доброй незлобивой улыбкой и даже получить «свыше» понимающий одобрителный кивок. Сегодня за внешней безобидностью проглядывает хищный/звериный оскал недобитой несистемной оппозиции и, что уж скрывать, нежелательности, иноагентства и даже экстремизма и терроризма/террористичности! И того хуже – «пятой колонны» и «национал-предательства»! Не наши ценности! Ох, не наши!

...Конечно, горькая ирония, сарказм, стёб.

...Не забываем, что в «треке» второе главное действующее лицо (а может, и первое) – настоящий генерал! Не отставной какой-нибудь! Правда, без имени, фамилии и отче-

ства. Безымянный, как звезда из пьесы румынского писателя Михаила Себастьяна (или, если кому нравится иначе, из кинофильма режиссера-постановщика Михаила Козакова). Да и зачем генералу ФИО! Генерал он и есть генерал! Кажется, что именно этот седьмой, а не второй рассказ с полным основанием/правом мог бы принять и с достоинством носить на/в/при себе заголовок «Генерал». Ан нет! Автор книги «треков», как мы уже знаем, не столь прост, чтобы поддаться внешним проявлениям/видимостям, параллелям и эффектам – он всегда (как дипломированный учёный-философ/кандидат наук) смотрит в глубь вещей и явлений! Ибо все мы, включая генералов, едем в одном общественном транспорте (вернее, плывём в одной лодке), даже если генералам кажется, что они сидят в своих высоких кабинетах и самых современных удобных креслах, приобретённых по импорту. Почему же «Троллейбус» у Гундарина? Ехать можно вечно... и *«эта музыка будет вечной, если я заменю батарейку»* (Наутилус Помпилиус» пришёлся к слову)!

Полифоничен и многовариантен и троллейбус Цоя (не случайно песню в нулевых для сольного исполнения выбрала и Земфира):

*«Моё место слева, и я должен там сесть,
Не пойму, почему мне так холодно здесь,
Я не знаком с соседом, хоть мы вместе уж год.
И мы тонем, хотя каждый знает, где брод.
И каждый с надеждой глядит в потолок*

*Троллейбуса, который идёт на восток.
Все люди – братья, мы – седьмая вода,
И мы едем, не знаю зачем и куда...»*

Далее сосед, согласно словам песни, не может уйти, ибо не знает пути. А в кабине троллейбуса нет шофёра. И ко всем напастьям ещё и мотор заржавел:

*«Мы молчим, но мы знаем, нам в этом помог,
Троллейбус, который идёт на восток.»*

Михаил Гундарин как автор книги рассказов по мотивам цоевских песен мог бы и Вифлеемскую звезду обыграть, возможно, додумав за певца и музыканта, у которого: *«Мы сидим не дыша, смотрим туда, где на долю секунды показалась звезда»*. Ан нет! Не обыгрывает. Оставляет за скобками. Словно намекает: читатель, я тебе подсказываю, посему додумай и обыграй сам. Дескать, раз ты мой читатель, значит, не глуп, так шевели же мозгами!

Как во многом туманен смысл гундаринского «Троллейбуса», ровно так же туманен и смысл цоевского, в расшифровке/интерпретации которого бытует не одна версия.

Порассуждаем об интерпретациях «Троллейбуса» Цоя, а в уме будем держать трактовки «Троллейбуса» Гундарина (три пишем, два в уме).

Версия первая. Общественный транспорт – это советское государство без руля и ветрил: мол, едет себе и едет к пропасти/несётся/летит в пропасть. Версия вторая: путь к Богу не прост, тернист, особенно если находишься внутри не об-

разно-виртуального, а реального рейсового троллейбуса, но в любом случае даже тут главное – верить во всё хорошее. Здесь и звезда кстати! Впрочем, всё может оказаться намного проще: Цой каждый день добирался на работу двумя видами транспорта: троллейбусом и метро. Чтобы оказаться у метро и дальше двигаться к конечной точке, надо было именно на троллейбусе ехать на восток – вот и сочинилось без всякого подтекста и злого умысла. Так сказать, поэзия чистого разума. Однако хочется сказки, тайны, загадки, дымки. Потому загадка, да и только! Точка!

...Итак: Гундарин, Сологуб, Цой. И много кого/чего ещё. В конце концов хотя бы в одной главке читатель может/должен самостоятельно выстроить ряд гундаринских предтеч.

Солнечные дни

Пишут², что Цой не любил петербургскую зиму, особенно снег (белую гадость). Собственно, в Петербурге и лето не ахти какое, тем не менее в это время года есть солнечные дни (зимой-то их практически не бывает: сыро, слякотно, снежная жижа). Летом, что называется, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Зимой же в городе на Неве, и правда, тоска зелёная. У Цоя:

«Мне везде неуютно и пиво пить в лом

Как мне избавиться от этой тоски

По вам, солнечные дни?..»

...Ромку, героя шестого «трека» книги Гундарина «#ПесниЦоя», по солнечным дням тоже гложет тоска зелёная. По светлым дням, когда в его собственную жизнь и в пасторальную жизнь его деревни ещё не успела ворваться жёсткая жизнь железного города. Как только ворвалась, так деревни и не стало: всё, что было более-менее живым и что могло двигаться, в город постепенно и переместилось. Чуете «Прощание с матёрой» Распутина? А прозу Белова, Астафьева и (эх, была ни была!) Шукшина? Не чуете? А она есть! Вернее, даже они – и писатели, и их многочисленные деревенские прозы. Их всех есть у меня, вернее, у Гундарина!

И ещё есть у автора одна существенная деталь, придаю-

² Алексей Рыбин. «Кино с самого начала».

щая этому «треку» не только яркую социальность, но и гротескно-протестную идеологичность. Не только в сельскую местность пришёл разрушительный/разрушающий город, но в страну ворвалась новая жизнь в виде «перестройки», гайдари-ельцинских реформ и всех последующих, как цепочка добавленных стоимостей, «радостей» и событий (которые, собственно, оставлены за скобками повествования, но не просто фонят, а прут «изо всех щелей и пор», возрастной читатель хорошо помнит и понимает реалии тех лет): «Для него [Ромки – В.Б.] всё было слишком просто – мир делился на до и после нашего появления. Для любого из нас эти тридцать лет делились на множество микровеков, каждый из которых открывал новую страницу. В каждом из которых происходило такое движение, что мы все могли моментально становиться и трактористами, и полковниками, и миллионерами, и министрами. И белыми, и чёрными, и серыми. И разбойниками, и сыщиками...»

Сравним с цоевским:

«Это время похоже на сплошную ночь [опять ночь! – В.Б.]

Хочется в теплую ванну залезть...»

Ромка, герой Гундарина, тоже терпел долго. И работал на пришедшего из города «совокупного» дядю, рассредоточенного/размазанного по безличному (или, напротив, сконцентрированного в обобщённом) «мы». Работал (парень был работающ, хоть и обижен на весь свет), но внимание (!)... «все-

го-то! – не любил наши порядки и ненавидел нас». А между тем упомянутый совокупный персонаж/«дядя» в представлении лица, которое ведёт повествование, таков: «мы снисходительны, мы добры. Готовы простить многое. Увлечение наших женщин такими, как Рома, тоже. Но всему есть пределы!..» Чуете «идеологически враждебное» и «клеветническое» замятинское «Мы»? Замятин вообще мало кто помнит, а ещё меньше тех, кто его читал. А он тоже есть у меня, вернее, предстаёт у Гундарина во всей своей красе!

Ромка терпел, как Бог, который велел делать это всем без исключения. Но ему не дали дотерпеть до логического конца. Вернее, не довели до точки бифуркации, когда это терпение исчерпывается и взрывается, после чего разум возмущённый готов идти в смертный бой. Или экстраполироваться в русский бунт, бессмысленный и беспощадный. «Мы» в лице полковника Романенко вовремя раскусили пацана, узнали его если не военную, то страшную тайну. Чувствуете Гайдара (не Егора с его радикальными экономическими реформами, а его деда – Аркадия с его Мальчишем-Кибальчишем)?

«И не так он [Ромка – В.Б.] был опасен нам, как мы были опасны ему. Ничего не сделал, может, и не задумывался ещё, но мог сделать каждую секунду. Или сам, или по команде откуда-то не отсюда... Странно мыслил этот тракторист, какими-то эпохами. Обобщениями. Как в старом учебнике «Новейшая история». Помню такой, с чёрно-белы-

ми картинками...»

Хоть повествователь и утверждает, что *«мы все были разные. Сам термин «мы» был неправильным. Разнообразие и конкуренция. Победы и неудачи»*, но чего уж (стиль автора): *«мы»* – это и есть *«мы»*, а не какой-нибудь там *«я»*.

Полковник нейтрализует *«проблему»* (*«проблема»* – это и есть Ромка: он и сам проблема, и её носитель одновременно).

«... – А мать-старушка? – спросил кто-то из нас у Романенко, как бы в шутку.

Полковник только сверкнул глазом.

– Матерей-старушек мы не обижаем.

Ответ был неопределённый. Но мы все увидели в нём чистую правду. Правду со всех сторон и во всех возможных вариациях...».

«Ненужный [лишний] человек» – вот кто такой этот Ромка. Тут следует опять дать перечень всех классиков, писавших о лишних людях, а также поимённый/пофамильный список этих лишних людей. Но отошлю читателя к главке *«Бездельник»*.

Многовариантность того, что случилось/могло случиться с Ромкой.

А что с ним, собственно, могло случиться, непьющим *«алкоголиком в третьем поколении»*? В конце концов все там будем.

Социальный постмодернизм и метареализм в одном флаконе.

У Цоя:

«...Я раздавлен зимою, я болею и сплю

И порой я уверен, что зима навсегда

Ещё так долго до лета, а я еле терплю...»

...Итак, подведём итог третьего рассказа-«трека»: Гундарин, Цой, Распутин, Белов, Астафьев, Шукшин, Замятин, Гайдар (не Егор, а Аркадий, который на самом деле Голиков).

Можно скромнее для автора книги (по алфавиту): Астафьев, Белов, Гайдар, Гундарин, Замятин, Распутин, Цой, Шукшин (Цой уже не в конце). Плюс все писавшие о лишних людях в русской жизни, кто ранее уже был поименован.

Мальш

Песня «Мальш» не вошла ни в один альбом Цоя/«Кино». Возможно, написав и немного попев/попотев, автор потом впал в смятение, застенялся, ибо посвящена она была Сергею Пенкину (в те времена ещё можно было этого стесняться).

Изначально песня была то ли юмористической, то ли сатирической, то ли саркастичной и на свет появилась по следам совместных с Пенкиным концертов в Крыму. Источники сообщают, что эта двусмысленность самого её автора веселила:

*«Тёплое, тёплое море
Жаркое солнце
Синие, синие волны,
И пустынный пляж.
Музыка рядом со мною
Ты рядом со мною
И весь этот берег
Наш...*

*...Когда ты смотришь так серьёзно,
Мальши, я тебя люблю...»*

Сергей Пенкин вспоминал: «Я говорю: “Не буду выступать”. А Витя в ответ: “Всё будет хорошо!”...»

Так и пришла к певцу-гею всесоюзная известность, а то

сразу и слава. Как, впрочем, и к Цою, и к группе «Кино», а затем и к её отдельным представителям, когда они занялись сольными карьерами/концертами. Кстати, впоследствии песню подхватила другая рок-группа – «Мумий Тролль» (её солист Илья Лагутенко то ли переосмысливал, то ли провоцировал, то ли совершал каминг-аут: *«Когда ты робко меня целуешь, малыш, ты меня волнуешь...»*)

В девятом рассказе автор «#ПесенЦоя» возвращается к лирическому «я» (повторюсь, это «я» не равно «я» самого автора), от лица которого и ведёт дальнейшее повествование: *«Ну вот, дожили: я, пятидесятилетний литератор-неудачник, регистрируюсь в соцсетях под женским псевдонимом и начинаю писать там всякие гадости. Я толстый, в массивных очках. С бородой полулопатой, такой саперной лопаткой, которая во времена моей юности считалась обязательным атрибутом литературной деятельности. Ну, с деятельностью, да, напряг, а борода всё же немного выросла».*

Похоже, что в этом «треке» автор откровенно провоцирует читателя: писать от лица сомнительного лирического «я» ему не впервой – его более ранняя повесть «Говорит Галилей...» в этом смысле ещё пикантней! Вот там настоящий бесстыдный (или как раз «стыдный») хардкор! Дескать, вот вам всем! И даже: вот так вот вам всем, и чо? Дескать, и чо вы мне сделаете, всё равно уже читаете, до конца немного осталось, никуда не денетесь, дочитаете, как миленькие, да-

же если и поплюётесь на лирического героя! Короче, в «Галилее...» – жёсткий хардкор, в «Малыше» – так себе, вокруг да около, хотя и не совсем.

В главном персонаже рассказа поначалу вроде бы играет отцовское чувство, а затем то ли не пойми какое, то ли даже вообще не пойми что. По многочисленным двусмысленным (а то и вовсе не двусмысленным) намёкам и экивокам можно сделать предположение, что скорей всего не пойми что. Тьфу! С одной стороны, за стенкой спит Маринка-давнишняя знакомица, ставшая женой героя ближе к его старости (или просто «типа жена»: сексуальная партнёрша). А с другой, *«по комнатам в задумчивости бродит её сын. Тонконогий, с тонкими же, будто просвечивающими запястьями. С золотыми кудрями почти до плеч (это я настоял, чтобы не стригли). Одиннадцать лет. Золотой мальчик. Данила-мастер»*. А далее – и ещё «круче»: *«И что мне с Данилой делать-то? Я представляю его в виде обнаженной статуи, выкрашенной в золотой цвет. Леонардо да Винчи отдыхает, красота – здесь. Но не сейчас, и вряд ли когда, конечно, эта затея со статуей осуществится»*. Тут уж совсем гей-педофилия какая-то! Если не разгром, то публичное искажение наших посконных ценностей, публичным и активным сторонником которых на самом деле является сам автор книги.

У лирического героя «трека» если не старческий маразм, то старческая сублимация. Ибо герой этот – писатель-неудачник: *«Я раньше любил соотносить свой возраст*

с возрастом известных писателей. Кто во сколько лет что создал. Ну, Лермонтов, понятно, Пушкин... Так и Булгаков отпал. И Джойс, и Пруст. Я вот всё на Розанова смотрел, который, как и я, в провинции пропадаю, с женщинами проблемы имел. Потом перебрался в столицы – и взлетел. Но потом я понял, что и Розанов меня куда моложе. Умберто Эко остался с поздним дебютом. Анатолий Рыбаков ещё. Ну и кто-нибудь другой есть наверняка». Авторы-предтечи творчества Гундарина, как видим, перечислены самим Гундариним, не будем вдаваться в подробности, для чего (мы их тоже просто включим в общий перечень предтеч в конце этой главы).

Несостоявшийся писатель, герой-неудачник приравнивает себя к двум группам людей, которым завидует: и к тем, кто состоялся, как писатель, и к тем, у кого просто есть деньги: *«Деньги – они как алиби для самого себя и окружающих. Вроде как ответ на вечный вопрос – что делал весь свой век, чего добился? Ответ: разбогател. Ладно, хоть что-то. Не зря, мол. Но я-то беден как церковная мышь»*. И дальше ещё не раз в разных вариациях упоминается про *«перебиваешься с копейки на копейку»*. Так сказать, «миллион терзаний» на тему славы и богатства. Настоящая творческая натура!

Однако в одиночку находиться в сточной канаве лирическому герою ой как не хочется, поэтому всех лидеров-удачников и аутсайдеров-неудачников в своём воображении он сажает в одну лодку: мол, *«печатаешься ты везде, миллио-*

нер ты, или свой первый и единственный роман закончить не можешь, – посмотри вокруг. Дрянная, промокшая, в пятнах картонная декорация и муравьиная дрянь под ней. Вместо того, что было в наши восьмидесятые, да и девяностые тоже. Просрали-с мы с вами всё что могли, дорогие удачники».

С одной стороны, «вечная тема» книги: восьмидесятые-девяностые годы. С другой, – самоуспокоение, самооправдание. И своеобразная самопсихотерапия: все свои неудачи, горечь, всякие горести и неудовлетворённость главный персонаж «трека» словесными гадостями анонимно сливает в интернет (может, и правильно, что интернет хотят деанонимизировать?) Вот что пишет «герой» в недра всемирной паутины, взяв себе ник Lenka Perekur: «*«По поводу феминизма. Я возмущена, во-первых, тем, что должна “по признаку пола” поддерживать эту оголтелую свору неудачниц и лесбиянок. Не хочу и не буду. Во-вторых, я правда считаю, что мужчины умнее и талантливее нас, баб. У них есть кое-что в штанах и кое-что в голове. И в душе. А у нас кругом одни дыры. Бабы мы дуры и есть. Хоть с образованием, хоть нет».* А дальше «герой» любит, какой срач начинается под его сообщением, подливает и подливает маслица в огонь, снова подливает – уже вёдрами. Этим свою жизнь, словно глубоким смыслом, и наполняет. Кстати, тоже своего рода творчество. Так и живёт.

У Цоя:

«Что же случилось с нами,

Что случилось с нами

Этот вопрос мне покой

Не даёт...»

Вроде больше и некуда «крестьянину податься». Помните «Чапаева»? Но там была Жизнь с большой буквы, причём идейная, а тут – просто не до жиру, быть бы живу. Существование, короче. Оттого и «изыски».

Как обещал, перечисляю уже перечисленное (не мной): Булгаков, Джойс, Лермонтов, Пруст, Пушкин, Розанов, Рыбаков, Эко. И кто-то другой есть наверняка: например, добрая четверть/а то и треть сохранившейся до наших дней эллинистической литературы в части ее «специфики».

P.s. Примерно в то же время, когда заканчивал редактировать всю свою «рецензию-эпопею», начал читать «Записки почерком Times New Roman», написанные Сергеем Кругловым, моим однокурсником ко красноярскому универу (ныне Сибирский федеральный университет) и изданные каким-то энтузиастом (который, думаю, неплохо на этом заработал). Удивительный вираж совершила судьба Сергея (или она сам совершил вираж в собственной судьбе). Парень был, пожалуй, самым талантливым на нашем курсе... даже не знаю, как сказать... литератором или просто талантливым (а талант может проявиться в любой гуманитарной сфере), а стал... попом. Кстати, сфера тоже своего рода гуманитарная.

Впрочем, это был шаг в сторону от того, что я хотел сказать/написать.

При чтении кругловских «Записок...» у меня возникла и потом не покидала аллюзия. Пусть и со своим нюансом.

Какая аллюзия? К чему?

Проще процитировать отче Сергея (или Сергия?), нежели пересказывать:

«Как-то давненько [...] читал, помнится, про о.Иоанна Кронштадского... Вроде юноты решили поиздеваться над его прозорливостью; на пути его следования одного [своего товарища – В.Б.] уложили, укрыли дерюгою [...] и, как только о.Иоанн подошёл, возопили: помолитесь, отче! Наши товарищ помре!.. Тот сурово стал, помолился – и ушёл; а юноты, снявши со смехом дерюгу [...], с ужасом увидели товарища мёртваго [...]

...Так вот.

Реальный сюжет из нашего с вами ЖЖ:

Некий бойкописец соорудил себе ник, а с ним – и ЖЖ-биографию; это ведь так прикольно (как ноне говаривают); фантазия у него неплохая, абстрагировался от себя и взялся в новый ник и новую биографию вполне конкретно, выступая в роли не себя, а придуманного персонажа – современной дамы полусвета... Дальше – больше: искренностью и занятностью постов своих оный бойкописец возбудил массы, вызвал обширный зафренд; среди френдов – попался и священник... Слово ЗА слово, комментарием ПО посту: бойкописец вошёл в роль; просит священника помолиться о том о сём; наивный и на голубом глазу своём священник мо-

лится (О НЕЙ) — — — и

*... и что?.. вот думаю: может ли сюжет наш — по выше-
означенному — развиться так, что в одно прекрасное утро, в
реальном своём реале, подходит бойкописец к зеркалу в ван-
ной и видит в нём — — —...»*

Уловил связь, уважаемый читатель, продравшись через
дебри словес?

Пачка сигарет

Десятый, кажется, самый большой по своему объёму «трек» в журнале «Сибирские огни» не публиковался – попал под сокращение. Так сказать, под нож. Впервые опубликован в отдельной книге. Рассказ начинается с того, что лирическое «я» автора, седого и пятидесятилетнего, попадает в 1988 год. То ли «назад в прошлое», то ли «назад в будущее» (помните эти фильмы?), главное – что именно назад, а не вперёд.

Судя не только по этому рассказу, но и по книге в целом, 80-е годы прошлого столетия (и даже тысячелетия) – наиболее яркие и памятные для самого Михаила Гундарина, а 1988-й – вообще самый-пресамый (он будет упомянут ещё в одном из следующих «треков» и, соответственно, в моей рецензии на тот «трек»). К слову: именно в 1988 году сам Михаил перевёлся из далёкого провинциального университета в Москву (и не в абы какой вуз, а в МГУ).

Совпадение? Не думаю! Лично для автора этой рецензии 1988 год тоже очень ярок и памятен. Я служил срочную в рядах Советской Армии, и это был второй год моей службы. Впрочем, это сегодня тот период кажется ярким и радостным, а когда служил – всякое бывало. Наиболее запоминающимся оказалось возвращение из армии в родные пенаты – в МГУ на третий курс журфака, с которого меня в армию

и забрали. С «которого», да не с «которого», ибо курс был хоть и третий, да не тот, как не тем был известный Федот из поговорки. Вот тут-то мы, кстати, с автором книги пересеклись, познакомились и стали учиться не просто на одном курсе, но в одной группе! Но для меня это был уже конец 1988-го года. Кажется, октябрь или уже ноябрь (лень заглянуть в военный билет).

В общем, как для нас обоих (меня и автора книги рассказов), так и для лирического «я» гундаринской «Пачки сигарет» это был год *«яркости красок, объёмности изображения»*. Думается, что особенно насыщенным и контрастным год был для «третьего нелишнего»: лирического «я», которое оказалось в прошлом (опять машина времени? снова Герберт Уэллс?). Почему же из всей нашей тройки именно герой «трека» в дамках? Потому что для него всё оказалось не *просто здесь и сейчас*, а наяву. Он вживую увидел всё то, что за 30 лет жизни в его *«памяти повыцвело, стало плоским, вроде старой открытки...»*.

Итак, стоит, значит, герой на площади С. города П., *«куда приходили все автобусы из соседних деревень»* и озирается. Глубинка. Городок, как описывает его автор, явно затхлый, скверный (однако не приморский, а потому вовсе не лермонтовская Тамань, иначе автор назвал был городок Т., а не П.). И не деревня Гадюкино, где каждый день идут бесконечные дожди. Но радости тоже мало: *«...пыльно, асфальт разбит, безобразно разросшиеся кусты закрывают полуразру-*

шенную церковь – то ли склад, то ли бывший ведомственный клуб...»

И в прошлом-то в этих местах было не ахти, но в настоящем, куда лирическое «я» снова переместилось/вернулось, – ещё хуже: *«...Там – неопределённость, бедность, одиночество, страх...»*

...Стоп! Тут пока прервёмся, ибо лирическое «я» начинает рефлексировать: «Я ощущал ломоту, странную, тянущую боль во всём теле. Как будто разламывался на две половинки, сверху вниз. Слева – одна эпоха (старше), справа – другая, моложе. Каждая болезненная часть была словно затянута тонкой полупрозрачной плёнкой, легко поддающейся нажатию пальца». Рефлексия о «философском», то бишь ни о чём, перемежается «размышлизмами», «куда пойти, куда податься?»: «...предупредить Ельцина и Горбачёва – а стоит ли? И нереально пробиться в Кремль. Про ядерное разоружение что и мечтать. Сказать Цою, чтобы не садился за руль “москвича” в тот роковой день? Но ведь это случится куда позже. А сейчас, не могу сообразить, он уже с Айзеншипом, то есть, звезда и не подступиться, или ещё можно запросто? Но это же в Питере, а дотуда не добраться. В П. первый и последний раз “Кино” приедут только в 90-м, кажется, и сразу на стадион...»

Надо отметить, что всё это автор книги написал ещё до нынешней спецоперации в Украине, иначе его лирическое «я» наверняка пулей рвануло бы в... или по крайней мере

помусолило бы в сознании вопрос, а не пойти ли известно по какому адресу (чтобы кому следует рассказать, что сделать, а что делать не следует ни в коем разе, чтобы предотвратить и избежать, предусмотреть и победить).

От общего – к частному (Конан Дойл!): размышления героя трека о том, *кто виноват и что делать*, трансформируются в личное: не податься ли к друзьям, к будущей жене, ещё куда подальше? Кстати, даже про копеечную газводу лирическое «я» вспомнило (ностальгия, чего уж). Мелочь, а читателю в возрасте приятно, как кошке – доброе слово! Размышления эти, правда, ничем не заканчиваются, ибо герой понимает, что после подобных заявлений, утверждений и прогнозов/предсказаний его упекут в психушку. Денег нет («но вы держитесь») – пошёл куда глаза глядят. То бишь центр города.

...Однако продолжим прерванную (как полёт) на полуслове, вернее, на слове, мысль и однородный ряд (цитирование) того, что осталось «там», в будущем: *«...бедность, одиночество, страх, ужас при воспоминании о недавней Катастрофе. Ну и начинающаяся старость, конечно. Да ничего страшного, у других хуже. Болезни, например, та же лучевая сплошь и рядом. Кто-то и не выжил в Катастрофе (многие), а всё-таки грустно и неприятно. Нет, я то (это) время своим не считал. Ни один год девяностых, нулевых, десятых...»*

Про начинающуюся старость понятно («все мы в этом ми-

ре смертны, тихо льётся с клёнов листьев медь»). А вот что за недавняя Катастрофа случилась в «том» будущем времени героя, из которого он сбежал, читателю догадаться не сложно: коль речь о «лучевой», то ядерная война, чему ж ещё там случиться (кар-кар-кар!): хорошенькое «предсказание» с учётом того, в какие дни рецензент читает чужие и кропает свои строки (книга написана Гундариним задолго до начала «спецоперации»). Впрочем, это поначалу догадливый читатель может «предположить». Потом, то бишь в конце «трека», когда герой будет пойман с поличным «патрулём времени» из соответствующих органов и попросит ловца позволить себе в последний раз посмотреть на небо, будет сказано уже прямо (предположение оправдается): «... У нас ведь с этим не очень... Бункер, ядерная зима, все дела. Урезанный рацион...»

«Патруль времени» назван автором книги «karma police» (полиция нравов, полиция кармы). Думаете, что это «спроста»? А вот и нет! Там двойное-тройное дно, к Цюю, казалось бы, отношения не имеющее. Хотя опять же: как знать. Именно так, «Karma Police» называлась песня альтернативной английской группы Radiohead из третьего студийного альбома «OK Computer» (1997 год), выпущенная как сингл и занявшая в 2012 году восьмое место в символическом списке «Лучшие композиции за 10 лет скробблинга» портала Last.fm. Последовательность аккордов в песне, как заметили знатоки, отсылает к композиции группы The

Beatles «Sexy Sadie»:

*«Я потерялся,
Я потерялся
Уф, секунду
Я потерялся
Я потерялся...»*

Совпадение? Не думаю!

Вот вам и Цой, и «патруль времени» в одном флаконе:

*«Я сижу и смотрю в чужое небо из чужого окна
И не вижу ни одной знакомой звезды
Я ходил по всем дорогам и туда, и сюда
Обернулся и не смог разглядеть следы...»*

С «патрулём времени» герой столкнулся случайно: очень уж захотелось ему закурить. Своего курева не было, пришлось попросить у первого встречного-поперечного! Тот предложил пачку сигарет марки... Но тут лучше процитировать: герой «трека» протянул руку за сигаретой, *«да так и застыл, раскрыв рот. “Пётр I”! Марка, которой в 1988 году не было и быть не могло...»* (есть таки в кармане у незнакомца пачка сигарет!)

В общем, попался голубчик! И, вот она, главная героиня «трека», пачка сигарет. Если она есть в кармане, *«значит, всё не так уж плохо на сегодняшний день»:*

*И билет на самолёт с серебристым крылом
Что, взлетая, оставляет земле лишь тень...»*

«Патруль времени»/человек из органов *«вытянул над го-*

ловой руку с зажатой в ней пачкой сигарет и нажал невидимую кнопку в середине российского герба. Мир стал блекнуть». Собственно говоря, в конце рассказа многое проясняется (хотя опять же не исключает полиинтерпретационности): «попадание в прошлое» – это, видимо, были всего-навсего предсмертные грёзы лирического «я»/главного героя: «... – Прощайте, – сказал я, сам не зная кому. Себе, наверное...»

У Цоя:

*«И никто не хотел быть виноватым без вина
И никто не хотел руками жар загребать
А без музыки на миру смерть не красна
А без музыки не хочется пропадать...»*

Кстати «трек» этот вполне мог бы быть назван и «Троллейбусом». От перемены мест слагаемых сумма не изменится?

Итак, Гундарин, Дойл, Уэллс, Цой. А вот группа Radiohead – вовсе не из художественной литературы, а, что называется, «из другой оперы», посему в окончательные выводы/заключение, которое уже не за горами, она не войдёт.

Печаль

Если не задумываться о смыслах и не заглядывать в подтексты, сюжет «трека» прост, как сибирский валенок (или как три копейки), вернее, как и все предыдущие сюжеты. Некий Лавкин, ненапряжно просуществовавший на этом свете добрую часть своей жизни (пропорхал от цветка к цветку, как бабочка), однажды пережил клиническую смерть. Теперь вот лежит после тяжёлой операции в больничной палате, занимая бюджетное койко-место (возможно, чужое), вспоминает о том о сём – являются в его голову всякие мысли и смыслы (порой и бессмысленные): *«... тут он надумался всласть. Мысли приходили не поодиночке, а целыми блоками. Пакетами смыслов. Сюжетами, но без сюжетного развития. Это как если бы целый сериал серий в сто вместить в один абзац. Вроде и ёмко, без дурацких длиннот и рассусоливаний, но и непонятно. И упомянутые в начале мысли – тоже можно разворачивать до бесконечности ...»*

Лежит себе, значит, Лавкин, лежит, но при этом ещё втихушку торгуется с ангелом смерти: *«Сначала несерьёзно, цитатно – “только бы жить, только бы жить, хоть на заводе литейном служить”. Потом как-то серьёзнее – мол, “забери и ребёнка, и друга”, а меня оставь... Потом нечестная цена (обмен жизни ребёнка на его собственную жизнь) показала Лавкину приемлемой»*. И снятся ему дети. Вро-

де бы не свои: не старший двадцатилетний сын и не младшая дочь. Непонятно, чьи. Впрочем, может, и его собственные, но до сих пор не рождённые. Вспоминаются Лавкину золотые восьмидесятые годы, и хочется, чтобы жизнь замерла/остановилась конкретно на 1988-м, видимо, самом счастливом году его жизни: *«Ровно никакой логики и необходимости не было тогда продолжать. Камень с горы ещё не катился. Если и была логика, то это логика разгульной пирушки. Вот выпил ещё – хорошо. Вот остановиться бы на самой верной точке соответствия – выпитого и ощущений в связи с этим!»*

Ох уж этот 1988 год. Обратили внимание, насколько он трепетен для самого автора книги, коли в разных по сюжетам «треках» год этот становится чуть ли не главным (пусть и не одушевлённым) героем повествований? Ипостась. Эманация.

(У Цоя тут моя краткая вставка-ремарка):

*«А вокруг благодать – ни черта не видать
А вокруг красота – не видать ни черта...»*)

...Рядом с Лавкиным лежит *«единственный сосед* [именем Прокопий] – *мелкий бизнесмен лет шестидесяти, из бодрячков, спортсменов»*. Сосед – человек в прошлом, видимо, преуспевающий. У Гундарина говорящие имена и фамилии: Прокопий в переводе с греческого и означает «преуспевание, успех».

И вдруг – бац! – Лавкину прилетело, как будто из прошло-

го, бумерангом по башке. Из того самого 88-го года, который он считает самым лучшим своим годом, где неплохо было бы остановиться/заморозиться («остановись, мгновенье, ты прекрасно!» – Гёте, одним словом). Вот, значит, просыпается ночью Лавкин от бормотания Прокопия и «с замирающим сердцем» пытается разобрать этот бубнёж-скулёж: «Говорил Прокопий, как ни странно, про козу:

– Манька звали... Хорошая, хорошая была. О, какая хорошая... Манька... Свели, свели со двора! Ух, свели... В восемьдесят восьмом как раз...»

Чуешь, уважаемый и вдумчивый читатель, перешёптывания, а то и гомон писателей-деревенщиков из 70-х годов прошлого столетия (и тысячелетия, кстати, тоже)? Они всё никак не успокоятся, хотя на дворе уже третий десяток третьего тысячелетия, а российская деревня в том виде, в котором они её знали, давно мертва!

Как всегда, у автора – вариативность и многосмыслие. Может, Прокопий и в самом деле имел в виду козу. Но даже тут возникает не одна версия с ветками от каждой них. Одно дело, когда имеется в виду просто обобщённая коза или хотя бы конкретная коза Дереза. И совсем другое – когда коза какая-то прочая, иная, другая (а тут ой-ой-ой сколько подверсий – ∞). Но, возможно, и совсем не про козу бубнил сосед, ибо год-то был как раз 1988-й, когда все кричали «ура» и бежали «вперёд». Как говорится, кому война, а кому мать родна. Возможность для каждого читателя придумать не только

свой конец этой истории, но даже... своё начало (оно ведь, как я уже сказал, не обязательно про козу; коза может быть лишь образом, метафорой, легендой и мифом Древней Греции или античного Рима).

В общем, глядя в книгу и читая там про «козу», придумать/раскатать/воспроизвести можно весь сюжет и всю/любую историю (страны). Это отнюдь не означает, что некто смотрит в книгу, а видит фигу. Возможно, сам Лавкин, торговавшийся с ангелом смерти (или с мелким бесом), и увёл козу. Или, к примеру, увёл он же, но не козу, а просто Маньку, пусть для внешних глаз Лавкин всю жизнь по ходу пьесы и занимался исключительно *«описанием мелкого лилового цветка – эндемика, растущего только в ближних П-ских горах»*.

Не зря же, разобрав слова преуспевающего Прокопия (похоже, отдающего концы) и клюнув именно на «козу» (маркер, крючок), главный герой вскочил как ошпаренный и заторопился в туалет. Знать, не только эндемиком занимался – явно что-то страшное случилось у Лавкина в том 88-м году, о чём ему в бреду напомнил умирающий сосед по койко-месту. Ещё вариант: если рассматривать метафорически, метафизически или мистически, вполне вероятно и то, что Лавкин договорился-таки с ангелом смерти и обменял свою жизнь на жизнь впавшего в детство Прокопия: *«И сегодня луна каплей крови красна»*. Такая вот печалька.

Если продолжить из Цоя, то:

«Дом стоит, свет горит,

Из окна видна даль.

Так откуда взялась печаль?

И, вроде, жив и здоров,

И, вроде, жить не тужить.

Так откуда взялась печаль?..»

Цой почём зря говорить/писать/спрашивать не будет.

...Итак: Гундарин, Гёте, Цой, писатели-деревенщики (они все уже и прежде были перечислены и поименованы, снова полным списком поименуем их только в заключении).

Камчатка

В журнальном варианте «Сибирских огней» рассказ «Камчатка» был опубликован в сокращённом виде. Текст был изуродован (или «изуродован») так, что некоторые логические и фактические звенья выпали и их приходилось додумывать самостоятельно. Впрочем, тем, кто был фанатом Цоя или просто интересовался его творчеством и биографией, для реконструкции всей цепочки и для понимания смыслов особого напряжения не требовалось.

И вот книжная (полная) версия издательства «Пальмира» все недомолвки устранила, а логические и фактические «ниши» заполнила: повествование стало понятней и для тех, кто не был ни адептом, ни поклонником, ни даже просто симпатизантом творчества Цоя, но является фанатом творчества Гундарина.

Хотите пример? Их есть у меня!

Фраза о том, что тощий импресарио пэтэушника *«боялся, что в одночасье все кончится. Что он проснётся опять на нарах, где из всех удовольствий цифирь да игра в очко. Во всех смыслах. Еврей, не робей»* – эта фраза в «Сибирских огнях», с одной стороны, явно и недвусмысленно отсылала к Юрию Айзеншпису, который двумя ходками, но в общей сложности 17 лет отгарабанил в местах не столь отдалённых, а потом два года до самой смерти Цоя продюсировал группу

«Кино» и о котором ходили слухи по части его нетрадиционной сексуальной ориентации. Однако, с другой стороны, в журнальной версии имя Айзеншписа не упоминалось. Гадай, о ком речь, если не знаешь ситуации, не знаком, так сказать, «с текстом и контекстом»! В книжной – имя (с фамилией) звучит, что называется, «во весь голос». Изъятое логическое звено восстановлено. Теперь читателю и рецензенту нет смысла шевелить мозгами, строить свои догадки, лазать в словари или рыться в глубинах интернета, чтобы верифицировать себя, убедившись в своих прежних знаниях, или просто узнать, о ком идёт речь.

В последнем, двенадцатом, «треке» уже мало/меньше оливье из реальности и гундаринских фантазий. Тут во весь рост ностальгическая реальность, прямые личные оценки и рефлексия по утраченной молодости самого автора, его удали молодецкой. «Камчатка» – второй бессюжетный «трек» в этой великолепной «двенадцатке» (первым, как все помнят, была «Ночь»). Так сказать, размышления по поводу, а иногда даже без оногo. Понятно, что это тоже не рассказ, но и не критическая статья и не литературоведческий текст. Скорее всего, эссе.

...Итак, «Пэтэушник разбогател». Зачин «трека» именно такой. Помнит ли вообще кто-либо, что Цой учился в СГПТУ-61 по специальности «резчик по дереву» и поэтому, как пишут, умел профессионально вырезать разные мелкие

фигурки, в том числе нэцкэ (некогда модный феномен по части коллекционирования, особенно после телевизионной премьеры фильма «Каникулы Кроша», снятого по мотивам одноименной повести Анатолия Рыбакова).

Намёк на изначальную специальность Цоя и на японские миниатюры «нэцкэ» – явная аллюзия со стороны автора книги рассказов к былым временам («ностальжи»). Кстати, творчество самого Рыбакова как писателя Гундарин, по моим сведениям, ставит довольно высоко: не раз писал рецензии и отклики на его творения.

Попутно напрашивается и второй вопрос: помнит ли ещё кто-либо роман Апдайка «Кролик разбогател» (Пулитцеровская премия)? Во-во! Оно самое! Опять аллюзия: былое и думы! Я вот помню, как тридцать с лишним лет назад по вечерам бегал читать его в библиотеку (или в читальный зал) ДАСа/общезития МГУ. Опубликован роман был в журнале... эээ... а вот названия толстого литературного журнала не припомню, хоть убей. В то время журналы публиковали кучу всяких интересных литературно-художественных вещей, которые прежде были под запретом или просто «неформатными», а потому до поры до времени вылёживались в писательских «столах». Помню, как я глотал эти опубликованные во времена гласности «вещицы» одну за одной, не зная брода, не разбирая источника публикации, но суюсь в воду. «Кролик разбогател» был в числе тогда прочитанного, пусть и не вынутого из стола какого-либо советского писате-

ля, но недавно переведённого с английского.

В «треке» Гундариным мастерски передан взгляд его персонажа-рвача, жаждущего только личного обогащения. Взгляд Айзеншписа на «пэтэушника» и на всех, кто рядом с ним и вокруг него, исключительно как на источник дохода (ну, не любит Гундарин цоевского «продюсера-импресарио», что ж тут поделывать!): *«Ещё хорошо идёт полиграфическая и иная сувенирная продукция. Страна сейчас сошла с ума от плакатиков и календариков. Свобода! Чем “Модерн Токинг” – пусть лучше берут то, что лучше. С импресарио вкладывали пополам и прибыль делили тоже пополам. На семь-восемь тысяч человек, приходящих на концерт, продавалось до трёх тысяч плакатов и маек. Вот пусть и считает, кто хочет. Судя по гангстерским фильмам, в Штатах считают будь здоров. У нас этого нет и не будет никогда. Ах, смешно это – делать вид, будто тебя интересуют деньги. Пэтэушника интересуют, но всех других, сидящих рядом в одном и том же В. Цое, ни капли. Ни Брюса Ли, ни Звезду Рока. Ни Витьку-титьку уж точно...»*

Похоже, автор «трека» и сам подозрительно/с недоверием/осуждением относится к тем, кто на свой страх и риск извлекает доходы/прибыль от коммерциализации тех или иных активов, как материальных, так и нематериальных. Хотя если отвлечься/абстрагироваться от негативизма/ангажированности, чем это не нормальный прагматичный подход, присущий если не предпринимателю, то уж точно бизнесме-

ну (у терминов, вроде бы близких по значению, на самом деле разный сущностный смысл).

Отдельными ремарками автор пытается коснуться также «конкурентных» взаимоотношений внутри рок-группы (речь о «Кино», разумеется). Вот пример: «...других братьев, не знавших ничего слаще портвейна и дрянного “Беломора”, от зависти развезло. Правы ли они? Да может, и правы. Только сейчас это не имеет никакого значения. И потом не будет иметь. Кто-то не имеет права, а кто-то право имеет. Вот и всё. Он сам – из имеющих. Как доказать это? Кому сказать? Нужно ли это делать?..»

Очевидно, что сам автор книги рассказов «#ПесниЦоя» тоже фанат музыканта. Вернее, так: во всяком случае был им в незабвенной молодости. Сейчас, находясь в возрасте мудреца, переосмысливает прошлое заново, ностальгирует, а порой даже готов заклеить Цоя позором как виновника торжества/буревестника/предвестника «перемен» (хоть и неосознанного, как бы «поневоле»): дескать, певец, как ветер, нагонял тучи над седой равниной моря и реял между ними, чёрной молнии подобный. Приготовьтесь, цитата не то, чтобы большая, но не маленькая: «Считать ли его целью, открывшейся, чтобы из неё полезли поппа, продажность, русский рок, вся будущая мерзость девяностых, вообще нечто такое, что изменило навеки страну и сделало нас, хороших таких, юных и весёлых, тем, что мы есть сейчас? Считать ли его пришельцем – извне, или демоном – тем

же пришьём, но, так сказать, изнутри? Можно. Но глупо. Сами виноваты. Сами умрём. Нечего сваливать на других. Да и что твердить – умереть, умереть... Вот уж глупость точно. А если попробовать иначе? Ему-то, в конце концов, удалось...» Помните? Мы поклоняемся тому, над чем смеялись, а смеёмся над тем, чему поклонялись: с болью, тоской и ностальгией по ушедшему; смех сквозь слёзы.

Аккордом Цоя (не дембельским) автор книги «треков» считает его последний концерт на празднике популярной тогда (впрочем, и сейчас) молодёжной газеты (правда, в то время она была молодёжной, а нынче – просто жёлтая): *«Как вспоминают очевидцы, праздник “МК” на Большой спортивной арене в Москве 24 июня 1990-го – самый успешный и последний концерт Цоя. Финальный аккорд»*. Коль речь об «очевидцах», то... очевидно, что тот виртуальный лирический герой, от лица кого ведётся повествование в последнем «треке», сам на этом концерте не был. Впрочем, как и реальный автор книги. Но ему (тому, и другому) очень бы этого, конечно, хотелось. Да, даже сегодня, по прошествии тридцати с гаком лет, Михаилу Гундарину хотелось бы побывать там, на этом/том празднике ушедшей жизни, переиграв/перезаформатировав личное прошлое.

Мечты, мечты, где ваша сладость?

«Цой, конечно, выступал последним. Это был его триумф».

...Что касается реальной/исторической цоевской «Камчатки», то мораль сей басни такова (и она общеизвестна): это народное название угольной котельной на улице Блохина, д. 15 в Санкт-Петербурге. Виктор Цой работал там кочегаром с 1986 по 1988 год. Сейчас это музей и место паломничества фанатов творчества поэта, певца и музыканта.

*«Это странное место Камчатка,
Это сладкое слово “Камчатка”.
Но на этой земле я не вижу тебя,
Я не вижу твоих кораблей,
Я не вижу реки, я не вижу моста,
Ну и пусть...»*

А что для самого Цоя означало слово «Камчатка»? Певец объяснял так: дескать, «ничего конкретного», мол, это просто поэзия из воздуха (в крайнем случае лингвистика как одна из частей двуединой филологии): *«Я там [на Камчатке как полуострове – В.Б.] никогда не был, оно [слово – В.Б.] лишь подчеркивает некую абсурдность текста, его фантастичность. “Камчатка” и “Алюминиевые огурцы” – это чистая фонетика и, может быть, какие-то ключевые моменты, не связанные между собой и имеющие задачу вызвать ассоциативные связи. Можно назвать это второй фантастикой. Можно в какой-то мере сравнить этот подход с театром абсурда Ионеско. Только у нас не мрачное разрешение действительности, а более весёлое».*

В общем, Камчатка – это просто Камчатка да и только («я

дерусь просто потому, что я дерусь!» – известное выражение Портоса из книги Александра Дюма «Три мушкетёра», хотя конкретно эта фраза стала популярной у нас после выхода в свет советского кинофильма режиссёра Георгия Юнгвальд-Хилькевича).

У Цоя:

*«Я не вижу здесь их, я не вижу здесь нас,
Я искал здесь вино, а нашёл третий глаз,
Мои руки из дуба, голова из свинца...»*

(скан с сайта Лучшие цитаты со смыслом в картинках • WORDiki.ru, при копировании требуется указание источника).

Помнит ли по предыдущим «трекам» уважаемый читатель, с каким ностальгическим трепетом автор книги пишет о второй половине 80-х годов прошлого столетия (и уже тысячелетия)? К примеру, про козу («трек» «Печаль») или про попадание в прошлое («Пачка сигарет»). Вот и в «Камчатке» в банальной, казалось бы, фразе *«Много уроков. Главный – хорошо быть молодым. Старым быть позорно и стыдно»* – в этой фразе/авторской речи прослеживается аллюзия к популярному советскому фильму «Легко ли быть молодым?», вышедшему в люди примерно в том же периоде, который лелеется автором нашей книги (в прокат кинолента вышла в 1987 году).

Из того же самого, ностальгического: в тексте последнего «трека» два раза впервые упоминается БГ – звезда из утраченной/безвозвратно ушедшей эпохи (в фейсбуке Гундарин уже в наше время часто публиковал стихи и репостил тексты/реплики Гребенщикова).

С конца 80-х прошла целая жизнь, и пора её осмысливать. Впрочем, есть и другое мнение: пора осмысления той жизни нашими современниками давно миновала (опоздали!), а потомками – ещё не наступила. И, возможно, ещё не скоро наступит, ибо множество акторов/действующих лиц, казалось бы, ушедшей эпохи и конкретной истории/историй ещё живы.

...Итак, кого мы видим в тексте последнего «трека» (забудем в этой главке рецензии про алфавит и отдадим безуслов-

ную пальму первенства самому певцу и музыканту, вдохновившему автора книги на написание двенадцати рассказов): Цой, Апдак, Горький, Рыбаков и, разумеется, сам Гундарин. Из киномира – Подниекс.

Заключение

Вся книга написана на грани реальности и фантастики. Или так: на разных гранях (их много) между реальностью и фантастикой. Представляете себе гранёный стакан «времён Очакова и покоренья Крыма» (метафора: понятно, что речь о стакане советских времён; а «покоренье Крыма» – времена императрицы Екатерины II)?

Представляете? Одна грань «перетекает» в другую, другая – в третью, и снова в первую, а потом в пятую-десятую, порой и не поймёшь, где что, а что где: грани искрятся и играют. В общем, всё – сплошная авторская фантазия на основе/с примесью собственного опыта. Или так: фантазия, в которую этот опыт искусно вплетён (шапка по Сеньке), но местами – нарочито втиснут (тяжела ты, шапка Мономаха).

В двенадцати «треках» почему-то не нашлось места аллюзиям ещё к трём, пожалуй, наиболее известным песням Цоя, а именно: к «Звезде по имени солнце», к «Переменам» и к «Группе крови». Первые две лишь походя упомянуты в заключительном «треке», как спетые на самом последнем и самом успешном концерте музыканта. Как на последнем издыхании. Или как финальный (ну, ладно, так и быть, пусть дембельский) аккорд. Семь песен. У Гундарина не семь, а двенадцать. И не песен, а «треков»-рассказов: «дембельский» аккорд Цоя переплунут.

Сквозная тема всех «треков» – отношение к 80-м и 90-м годам прошлого столетия.

80-е годы, вплоть до 1988-го, лирические герои могут любить или не любить, но сам автор их любит («остановись мгновенье, ты прекрасно!»). А вот начиная с переломного 88-го и все 90-е, чего уж скрывать, и сам автор не жалуется (а то и ненавидит), и персонажи/лирические герои его книги того же мнения, как милые животные, включая ослика Иа, из советского рисованного мультфильма «Винни-пух и день забот». Да и к нулевым, и десятым отношение не ахти какое (у всех авторских «эманаций», хотя вроде и получше, чем к лихим девяностым).

Сквозной сюжет «треков»: все или подавляющее большинство героев (и лирических, и «просто» героев/персонажей, то есть названных по именам или фамилиям) бедны, как церковные крысы, пардон, мыши. И все от этого чувствуют себя неудачниками или в творчестве, или по жизни. И ужасно от этого страдают. То ли лишние, то ли маленькие люди (как гоголевский Акакий Акакиевич), то ли «в одном флаконе» и «оба хуже», как в советское время партийные уклоны. Думаете Фрейд? А я думаю, что нет! Просто совпадение! Тема неудачника к автору книги не относится: он широко известен среди читателей и народа, писуч и удачлив как в жизни, так и в творчестве.

Прочсть весь текст книги можно быстро – откликнуться сложнее, ибо надо, включая заскорузлую «советскую» па-

мять, суметь правильными словами и тоном описать пересекающиеся множества и накладывающиеся одни на другие аллюзии и ассоциации. Чтобы не накосячить в цитатах, требуется не раз и не два возвращаться к текстам самих цоевских песен (что, кстати, тоже хорошо).

И при этом я не уверен, что везде понял гундаринские месседжи правильно (если вообще их понял), ибо авторское мышление оригинально, специфично и практически всегда подразумевает не просто двусмысленность, а поливариативность. Так и должно быть в эпоху множества правд и взглядов на один и тот же объект/предмет/феномен/на одну и ту же истину (а не только на множество правд). Хотя, как говорят, если по одному и тому же поводу в одной и той же голове формируется два разных/противоположных мнения, то это уже признак шизофрении.

P.s. И в качестве таблетки для памяти перечислим все источники/составные части не марксизма, но авторского вдохновения. Выстроим их вереницей в затылок друг к другу, не по скромности или зазнайству, а по алфавиту. Разве что самого Михаила поставим первым, ибо он есть во всех треках (как автор), а Цоя вторым, ибо не будь Цоя, не было бы и гундаринских «#ПесенЦоя».

Все остальные творцы, по порядку номеров рассчитайсь! Первый, второй... Апдайк, Арним, Астафьев, Базиле, Белов, Блок, Борхес, Булгаков, Гайдар (Аркадий), Гейне, Герцен, Гёте, Гоголь, Гончаров, Горький, Гофман, Гримм (бра-

тья), Данте, Джойс, Дойл, Ерофеев, Замятин, Ильф и Петров (позволим себе вольность не отделять Петрова от Ильфа и не переносить его в алфавитном порядке/спике вслед за Пелевиным и Перо), Крылов, Лем, Лермонтов, Лукьяненко, Майнринк, Мандельштам, Манн (Томас), Маяковский, Метерлинк, Островский (Александр), Пелевин, Перо, Пруст, Пушкин, Распутин, Розанов, Рубина, Рыбаков, Сологуб, Толстой (Лев), Тургенев, Уэллс, Холичер, Шелли, Шукшин, Эко, добрая треть/четверть авторов и эллинистической литературы в части её сексуальной специфики, и ещё куча писателей второго-третьего-четвёртого эшелонов.

Я никого не забыл? Добросовестный читатель, если прочтёт книгу Гундарина до конца, наверняка меня дополнит, ибо кое-где я сделал нарочитые упущения, а кое-где, как ни тщился, истока/полного набора источников не увидел. При этом к перечисленным писателям-поэтам жуть как хотелось добавить: «и все остальные тоже».

В целом, то ли Миша (позвольте мне называть так моего друга, с которым я учился в МГУ) примазался к песням Цоя и ко всем остальным пластам мировой литературы, то ли я – к прозе Миши (а через него – и к Цою, и ко всем остальным «мировым пластам»).

...Когда заканчивал писать этот текст, край одного глаза косил в сторону, улавливая признаки того, как шевелились шторы (балкон был приоткрыт). Когда смотрел на шторы прямо («глаза в глаза»), ни одного признака шевеления

не наблюдалось: балкон застеклён, поэтому ветра/воздушных волн быть не могло.

Может, это тоже самая настоящая аллюзия к первому рассказу Миши о сумасшедшем старике? Я ведь тоже дядька в возрасте (чуть не написал: мудреца).